

18+

Семар Сел-Азар

АШМЕДИ

СКРИЖАЛИ

СКРИЖАЛЬ?

Столно
творение

Семар Сел-Азар

Аашмеди. Скрижали.
Скрижаль 2. Столпотворение

«Издательские решения»

Сел-Азар С.

Аашмеди. Скрижали. Скрижаль 2. Столпотворение / С. Сел-Азар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674201-7

Судьбы маленького человека в условиях резко меняющегося мира, с разрушением старого — затхлого и ненавистного, но привычного и понятного; с кровавым рождением нового — неизвестного и пугающего. Падение царств, рождение богов. «Столпотворение» продолжение книги «Бегство с Нибиру» из цикла книг «Аашмеди. Скрижали», которая переносит читателя в мир шумерской цивилизации. Во второй книге рассказывается о возвращении героя в край, где его предостерегают новые опасности и приключения ведущие к судьбе.

ISBN 978-5-00-674201-7

© Сел-Азар С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Путь к дому	6
1. Нибиру. Дворец	6
2. Лагаш. Горечь правды	11
3. Возвращение	24
Глава 2. Суд Сатараны	30
1. Нибиру. Заклинание проклятых	30
2. Нибиру. Падение	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Аашмеди. Скрижали Скрижаль 2. Столпотворение

Семар Сел-Азар

© Семар Сел-Азар, 2025

ISBN 978-5-0067-4201-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

- Сколько стоит наша жизнь?
- Триста.
- Сколько нас там пропадет?
- Тыщи.
- Что погонит нас туда?
- Нужда.
- Кто заставит нас идти?
- Страх.
- Что же стоит наша жизнь?
- Ничто.
- Кто заплатит нам за то?
- Никто.
- Что же войне цена?
- Мир.
- Сколько стоит этот мир?
- Тьма?
- Сколько ляжет за него?
- Мрак.
- Что останется с него?
- Прах.

Аашмеди.

Глава 1. Путь к дому

1. Нибиру. Дворец

– Ты ведешь себя неподобающе жене энси великого единодержца, на тебя жалуются.
– Ты же знаешь этих голодранцев, их хоть подкармливай, все будут клеветать на нас – лучших людей, из зависти.

– Какие голодранцы?! На тебя жалуются лучшие люди Нибиру! – Негодяя наглой невинностью глазок юной супруги, вскипел Мес-Э.

– Они... они... Они все врут! – Испуганно заверещала Элилу, поняв, что про ее самодурство, кто-то из этих напыщенных клуш наябедничал. Хотя она считала, что это их личное дело – между ними, и никто после примерного внушения, не посмеет больше порочить ее доброе имя.

– Это ты сейчас, пытаешься меня обмануть! Или ты думаешь, я поверю в то, что они все разом решили вдруг тебя оклеветать?! Да и стражи, как не пытались тебя выгородить, не смогли скрыть правды!

– Но милый, они сами виноваты. – Сердце юной градоначальши затрепетало от страха. – Если бы они не болтали о нас лишнее, то я бы и не срывалась на бедной девочке. А она...

– Что она?! Ты не знаешь, на чью дочь ты подняла свои руки! Мне сейчас, еще не хватало ссориться из-за твоей вздорности с местными вельможами!

– А ты забыл?! А ты забыл, кто здесь мои родители?! – С обидой вскричала Элилу, на мгновение позабыв про свой страх перед мужем от праведного возмущения. – И кем были мои предки?!

– Я не забыл, и я, конечно, их очень уважаю, и ценю заслуги твоих пращуров перед городом и народом Нибиру. – Внезапно смягчился укоренный женой Мес-Э. – Но пойми и ты меня, я как градоначальник, назначенный нашим великим единодержцем, и обязан блюсти права и заботы местной знати. А ты на их жен и дочерей с кулаками кидаешься. Подумай сама, как я найду с ними общий язык, если моя женщина, время от времени будет устраивать их женщинам взбучку?

Видя, что муж немного подобрел, Элилу не преминула воспользоваться своими женскими чарами, чтобы задобрить его окончательно, для убедительности пустив слезу.

– Ах, ты не знаешь, как я мучаюсь оттого, что обидела безвинную девочку, пострадавшую из-за козней наших недругов. Не проходит дня, с тех пор, чтоб я не корила себя за то, что попала в ловушку твоих недругов, не сдержавшись от гнева на гнусную ложь, что распространяют их гадкие языки, и от меня досталось бедняжке. Но я с ней обязательно расплачусь, за ту невольную обиду, что ей не нарочно причинила. Я подарю ей свое самое красивое украшение. Помнишь, то сияющее ожерелье из Мелуххи, что подарил мне лагар, при своем переназначении?

– Ох, и хитра же ты. – Восхитился изворотливостью жены Мес-Э. – Знаешь, что я не оставлю тебя без украшений.

– Ты меня совсем не любишь. – Всплакнув надувая губки, перешла в наступление его молодая супруга, поняв, что опасность миновала и можно брать мужа голыми руками. – Зачем же ты женился на мне?

– Ладно, – растаял от умиления энси, – от города не убудет, если я отсыплю ее отцу горстей; уладим как-нибудь это. Все равно я хотел, чтобы ты сопровождала меня на приеме в Кише. А за время пока мы там будем, шум уляжется. Ты же мечтала побывать при царском дворе.

Элилу с радостным рыданием, кинулась ему на шею.

– Доброго дня тебе хозяйка! – С порога, весело приветствовал корчмарку воинский десятник, готовый с верными приближенными из старослужащих, приступить к ставшей уже хорошей привычкой – попойке в любимом заведении.

– Уже вечерет. – Сквозь набитый рот прожевала хозяйка, дав понять, что собирается закрываться.

– Броось, мы не впервой приходим поздно, и ты всегда нам открывала. – Обиженно заметил десятник. – С каких пор, ты закрываешь перед нами двери? Что с тобой приключилось?

– А то и приключилось, что вы балаболы, не держащиеся своих слов. – Проглотив, наконец, то, чем был занят рот, мрачно проворчала корчмарка.

Лица посетителей передернуло от оскорбленного самолюбия, но никто не посмел вступить за свое доброе имя, толи, не желая терять расположение хозяйки корчмы, толи, страшась ее грозного вида.

– Эй-эй, потише! – Мнение всех выразил десятник, облегчив их внутренние страдания. – Зачем ты так клеветашь на нас? Когда мы давали повод усомниться в себе, чтобы заслужить от тебя столь обидных ругательств?

– Где обещанные эшты Киша? Кроме ваших потрепанных десятков, больше войск и не видно. Ты уверял меня, что помощь близка, а о помощи и не слышно. Или может, я слепа, и твои тысячи ловко спрятались в кустах? Ауу, эшты! Где вы???. Не отзываются. – Ответила ему великанша, все же пропуская кингалея сотоварищи.

– Я признаться сам в недоумении. Я спрашивал об этом шестидесятника, но он лишь цыкнул на меня, сказав, что в Кише лучше знают кому и где нужна помощь. Но, то – я. Видела бы ты лицо нашего нового энси, когда он услышал от воеводы то же. Этот олух наверно думал, что раз он градоначальник, то вправе спрашивать здесь со всех, в том числе с кингалеи великого единодержца. – Закончил десятник скалясь.

– Тебе смешно, тебе это наверно в радость. А мне от этого не весело. Или может мне одной мерещатся полчища теней, наколдованных Загесси у нечистых, шныряющие тут и там в полях за стенами?

– И пусть себе шныряют! Их не так много, чтоб соваться на стены, а только попробуют, получают по орехам! – Успокоил хозяйку Рябой.

– Ах, я и забыла про своего защитника! – Незло посмеялась та над его словами. – Ну-ка расскажи нам, как ты будешь защищать меня от вражин своим большим и стойким мечом, и как их жалкие орехи рассыплутся от страха перед крепостью твоих.

Корчма сотряслась от хохота дружинников, оценивших остроумие и меткость шутки, а покрасневший рябой попытался отшутиться, но не найдя подходящего ответа, был усажен смеющимися товарищами. А подобревшая великанша, повеселев, вспомнила про толстяка, и спросила о нем его са-каля и сослуживцев.

– Мушу??? Да он оказался трусливее мыши. Ку-Баба, что ты тут с ним сделала?! Он теперь и в город-то, без хорошего пинка не выходит. – Пожаловался са-каль.

– Да-да. – Подхватил Рябой, горевший желанием отплатить корчмарке, и потому обрадовано ухватился за шутку са-каля. – Мы то думали, ты шутишь, оставляя его убираться у себя в ..., а ты.

– Таак!! – Недовольно отрезала великанша. – Кажется, сейчас кого-то и крепкие орехи не спасут.

– Тише-тише, ты только давай не убей его Ку-Баба, а то славное кишское воинство недо-считает одного из своих храбрых бойцов, а с меня самого снимут голову.

– Да я его слегка, встряхну для остратки. – Сказала великанша, выловив в углу рябого дружинника, и под общий хохот нежно прижала его большими грудями.

От такого нежного объятия, говорливый воин примолк на некоторое время, не имея доступа воздуха, и опал без сознания на пол, после того как был отпущен. Приведа его в сознание, дружинники потешались над незадачливым товарищем, имевшим несчастье понравиться великанше, то и дело оказывавшей ему подобные нежности, и сейчас успокаивавшей его своим низким голосом:

– Кажется, зря я тебя так. Ты ведь это из ревности, подозреваешь о нас всякое.

А самый смешливый воин, давясь от смеха, подшучивал над несчастным, в душе радуясь, что не он является вожделем великанши:

– А мы вас поженим, и никто не посмеет домогаться супруги великого воина.

Когда веселье успокоилось, десятник продолжил:

– Пока вы любезничали, я вспомнил, что хотел сказать: что он – Рябой, хотел сказать, что толстяк рассказывает про тебя страшные вещи, мол, ты организовала против него целый заговор, и ему теперь всюду мерещатся лазутчики и заговорщики.

– Ага, я тут его жарю и съем, а из потрохов похлебку сварю.

– Он боится, что ты его здесь зацелуешь до смерти! – Не унимался упрямый рябой воин. На что его смешливый сослуживец, тут же поддел своим едким смешком – «Как тебя?!», вызвав взрыв ярости у маленького вояки, накинувшегося на сослуживца с кулаками.

Пахло хорошей дракой, но великанша развела дерущихся как щенят, и сурово пригрозила:

– Что это, вы у меня тут устраиваете? Деритесь на улице, здесь вам не поле для драк.

Десятник тоже добавил своего, отсчитав подчиненных.

– Не сердчай Ку-Баба, – снова попросил он прощения у хозяйки, отведя ее в сторону. – Воины напряжены, все ожидают возможного нападения, и никто уже не верит обещаниям о скорой помощи. Все готовы встать на защиту родной земли, но никто не хочет умирать напрасно.

– Все вы так. – Пробурчала хозяйка корчмы. – При моем отце, небось, никто так не пел. Вот так, всех держал! – Великанша сжала кулак, и ее и без того громадные руки, налились бугристыми мышцами.

– Даа, твой родитель был великий муж, и каждый градоначальник или жрец, что при нем правили, считался с ним, с его внушением на народ. Ку-Баба, а ведь ежели бы ты была мужиком, то и с тобой бы так же считались. Эээх! Прошли те времена, когда Ку-Баба, та, в честь которой тебя прозвали, правила великим городом Кишем, и все чтили ее. Вот бы и тебя сделать градоправителем этого города, да и всей земли. А что! Я бы пошел за тобой! Да и наши ребята тоже!

– Пошел бы, говоришь? А что если, я и вправду тебя позову? Пойдешь?

– Пойду. – Не думая согласился десятник, все еще полагая, что она шутит.

– И своих людей с собой позовешь?

– Позову. – Честно глядя осовевшими глазами, отвечал он.

– А если, я велю: «Бери оружие и переходи на сторону Унука», что ты скажешь?

– Как переходи? – Вмиг протрезвел дружинник, ошарашено уставившись на корчмарку.

– Что испугался, подумал, что продалась Ку-Баба, за серебряники продалась? Не бойся, я такого никогда не скажу, как бы я не хотела зла Ур-Забаве. Наслушалась я этих заговорщиков ищущих спасения у Унука и Нима, и поняла, что ничего хорошего ждать от них нам тоже не приходится. На людей им плевать, тем более на посадских землеробов. Им бы власть захватить, да свои порядки наводить, чтоб сливки снимать, а мужичок опять гол. Но и терпеть прежнее, тоже нельзя. Да и не устоит Нибиру перед такой силищей. Я поначалу тоже думала, что можно будет договориться с унукцами, да они уже сговорились с лучшими мужами, что если Нибиру откупаются, и признают и принимают власть Загесси, город не будет разграблен.

– Так это же измена!

– Не более, чем та, какую они сделали, подпав под руку Ур-Забабы. Нибиру свободный город. Ты же нибирец, должен это помнить.

– Но я клялся в верности Кишу и Единодержию.

– А что тебе дороже, жизни родных людей или верность клятвам недостойным правителям, ради самовластья погрузивших родную землю в кровавую усобицу?

Видя, что собеседник продолжает так же ошарашено глядеть на нее, Ку-Баба продолжила убеждать:

– Ты же сам сказал, что никто не верит в помощь. На что ты надеешься? Все уже пред-решено, и дело только во времени и в том, сколько народу можно спасти. Богачи и вельможи уже сдали город, и только от немногих кишцев, да кой-кого из этих полоумных сторонников единодержца можно ожидать какого-то сопротивления. И многое зависит от того, как поведет себя дружина. Что если я скажу тебе: «Оставьте стены и откройте ворота»?

Наконец, десятник, придя в себя от потрясения, сухо сказал:

– Надеюсь, это я не понял твоей шутки. А иначе...

– Ну что – иначе? Тебе дороже наши люди, или обожравшиеся господ? Ты сам сказал, что мой отец имел внушение на людей. А знаешь, почему? Потому, что он заботился о них – простых людях, о таких, что облюбовали себе места на окраинах города, и которым сейчас некуда деваться от меча Загесси. Уж кому как не тебе, знать об этом. Ты ведь, как и большинство простых вояк, сам из окраин. Кто-то же должен их защитить?

– Аааа. А я-то удивляюсь, отчего никто не торопится вооружать чернь. – Дошло до сознания дружинника, сущность замысла держательницы корчмы за стенами. – Ты права я из простых, да и большинство наших воинов, кто из землепашцев, кто из пастухов. Горожане они все больше в стражи идут, там и харч больше, да и все свои все свое, да и идти куда-то кровь проливать за туманные ценности никому не охота. Ну, а богатеи среди простых вояк и не встречаются, все больше в кингали метят. Да я их понимаю, никто не хочет помирать напрасно. Нам ведь еще и выгоды большой нет от нашей службы, отплатиться бы от долгов. Кто-то ведь с детства что раб – воли не знал; за родительские долги расплачивается, чтоб просто полноценным каламцем стать.

– А ведь, это у него должно быть по праву рождения. Все его предки были саг-ми и он сам тоже саг-ми. До чего мы дожили, что истый саг-ми, рабом наравне с чужеземцем ходит, будто лиходея какой. – Вздохнула великанша. – А представь, если бы часть богатства города да разделить поровну, как раньше, чтоб не было вот таких вот шуб-лугаль. Представь, как бы встали люди на защиту города, если бы им только обещали прощение всех долгов и возвращение в лоно матери. Тогда не пришлось бы богатеям истощать свои кошны, чтоб только не разграбили все. А беднякам разве много надо: был бы хлеб насущный, да жизнь без лишений.

– Что нам до лишних богатств господ. Они их себе еще раздобудут. Сохранить бы жизни людей. Но ведь ты сказала, что господ договорились о сдаче города. Зачем тогда это все? Что плохого в том, что город не будет разграблен?

– А ты думаешь, они не дали на откуп победителям концы и пределы на разграбление?

– Да что там грабить? Нивы и пастбища и так пожгут, а для людей и сокровищ есть стены, на то они и строились. Кому-то, конечно, не посчастливиться успеть за них...

– И знаешь, кто это будет?

– Шуб-лугаль... – Догадался десятник, и крепко поразмыслив, мрачно глотая ставшее горшим питье, принял решение. – Прости, что я в тебе усомнился, ты и вправду никого не предавала. Это изначально, лучшие люди предали худых.

– Я понимаю, вам будет трудно решиться сразу, потому предлагаю дождаться решения городского совета, и по тому какую судьбу они уготовят шуб-лугаль и прочим жителям посадов, уже будет зависеть и их судьба. Тогда уж придется выбирать, чья судьба для вас важней.

– Да будет так. – С облегчением выдохнул десятник.

- А ты и вправду подумал, что я изменница.
 - Прости. Но зато теперь, я всецело с тобой, и вот в том моя рука и я ручаюсь за своих людей, а там глядишь и остальные подтянутся.
 - Им надо объяснить.
 - Мои парни – воины, а не писцы и торговцы. Они поймут.
 - С тобой мне пришлось повозиться.
 - Ну, так я десятник как-никак. – Отшутился кингаль.
- ***

Как только солнце поднялось над зубчатыми стенами Нибиру, за его пределы с шумом и переругиванием служанок, тронулся обширный обоз ее властительной особы, супруги энси великого единодержца, ясноокой и нежноликой, прекраснейшей Э-Ли-Лу. Ее возок тихо покачиваясь и скрипя, потянул за собой второй, нагруженный до верха мешками с самым дорогим ее сердцу: украшениями, которые могли бы заставить страдать от зависти саму Инанну с ее чудесным ожерельем, и наряды, что посрамят даже царевен. Так казалось ей, когда она встречалась с восхищенными и удивленными взглядами прохожих, и потому возки тщательно охранялись приставленной стражей, дабы не дай бог, не подсутился какой-нибудь прыткий воришка, коих в Нибиру хватало, и не наложил свои грязные руки на ее богатство. Сама градоначальша гордо восседала на мягких подушках, оглядывая прощальным взором город, в котором прожила всю жизнь, но который стал для нее слишком тесным и чуждым, и куда она надеялась больше не возвращаться. Ее манила новая столичная жизнь, которая рисовалась ей самыми радужными красками.

«А ну, прочь с дороги!» – Орала стражники на замешкавшихся прохожих попадавшихся им на пути, и больно отталкивали вовремя не убравшихся ротозеев, моргавших, с изумлением уставившись на поезд градоначальши. Служанки Элилу сидели тут же, рядом со своей хозяйкой, и красивые одежды их, бывшие в основном старыми нарядами самой Элилу, не уступали по пышности нарядам богатых горожанок, очень рая последних – оскорбляя их самолюбие. Отличало их от хозяйки, разве что отсутствие богатых украшений и знаки их рабского положения. Ослы погоняемые возницами, понуро плелись, таща за собой признаки человеческого честолюбия, назло оставляя признаки своего ослиного упрямства, в виде пахучих, дымящихся комочков. Для выхода именитых и богатых горожан в город, с его узкими и тесными улочками, как правило, использовались носилки, носимые сильными рабами, и лишь при выезде за его пределы, горожане могли позволить себе показать все великолепие своих стойл и возов, соревнуясь друг с другом в их убранстве и в украшении упряжи.

Гордо проскрипев, последняя повозка махнула задом и выехала за ворота стен, проезжая мимо примостившихся к ним посадок бедняцких пределов, скромно отошедших на приличное расстояние от главной дороги ведущей в город. А хозяйка этого обоза вздохнула с облегчением, от того, что покинула, наконец, этот муравейник зависти и сплетен, безвкусия и отсталости, и вольется в милый сердцу мир сердца мира.

2. Лагаш. Горечь правды

Пробыв в Нгирсу около месяца, гости освоились и стали для его жителей уже почти своими. Выступления их принимались с восторгом, песни с пониманием. С особой теплотой люди встречали выходы юной бродяжки, ставшей для них любимицей. Нин и самой казалось, что этот город стал для нее вторым домом, так долго отсутствовавшим в ее жизни. Она успела передружиться со всей окрестной детворой, доверившейся ей и принявшую ее в свою уличную стайку как родную. Сама чуть старше, она была для них словно старшая сестра, став заботливой наставницей и верной подругой. Девушка успевала везде и всюду: побыть с родными скорморохами и выступить с ними на площади, и, упорхнув на улицу, посидеть с ребятишками. Вот и сейчас, Нин заботливо прибирала непоседливую девчушку лет трех, найдя ее у подножия храмовой горы, успевшую где-то перемазаться. Увлечшись, девушка незаметно для себя присела на ступеньку, продолжая свою возню.

– Для того ли, богам было угодно велеть людям строить себе на земле дома, чтобы всякие нечестивцы оскверняли их своей скверной! – Услышала она над собой грозный окрик.

Вздрогнув от неожиданности и подняв глаза, Нина отпрянула, встретив гневный взгляд, из-под нависавших седых бровей. Опираясь на посох корявого дерева, впившегося хищной птицей тремя разветвляющимися когтями в рыжую землю, древний старик высверливал ее злыми глазами.

– Убирайтесь прочь, отпрыски нечестивой ночи! О, Шульпаэ, как можно терпеть их кощунства?! Да накажут вас боги семью проклятиями! – Кричал трясая бородой, рассерженный жрец.

Нин вскочила как ошпаренная и, побледнев от жутких проклятий старика, бежала прочь, уводя за собой замарашку. А жрец, еще потоптавшись, будто совершая очищающие обряды, начал подниматься по ступеням вверх – к молельне на вершине, чтобы возносить хвалу богам.

Девушка же горя от страха и стыда, убегая, столкнулась по пути с Кикудом.

– Ээй! Потише! – Засмеялся молодой кингаль, узнав бродяжку, но увидев взволнованность на ее лице, тоже забеспокоился.

– Там старик, он прогнал нас, я не знала, что там нельзя. – Затараторила Нин, оправдываясь с виноватым видом. – Я не хотела, я случайно...

– Погоди-погоди: – «там», это при храме Шульпаэ?

– Да. Я не знала, что там молятся. Честно.

– Да погоди ты. Ты, должно быть, видела Лугальанду – прежнего правителя, он здесь обитает.

– О, неет, – с суеверным страхом протянула Нин.

– Что случилось?

– Это же не к добру, встретить призрака.

– Призрака???

– Ну, его же, прежнего правителя, убили.

– Да кто тебе такое сказал?! – Начал терять терпение Кикуд. – Посмотрел бы я на это зрелище.

Бродяжка облегченно вздохнула:

– Так он живой?!

– Живехонек, как видишь. – С нескрываемой злобой к старику, процедил молодой кингаль.

Нин за свой страх стало стыдно, и она, покраснев от неловкости, прыснула в ладонь; глядя на нее, ее спаситель тоже не удержался от улыбки, и маленькая виновница переполоха тоже смеялась, не понимая еще, но просто радуясь общему веселью.

Нин, все же не оставляли в покое слова свергнутого лугая:

– Но он же старый и жрец.

– Если б каждые жрецы имели силу, на земле б и людей не осталось, одни жрецы. Да и не так стар он вовсе.

– Каак???

– Его неприкормленная жадность и бессильная злоба, сделали его таким.

– Он проклинал нас.

– Это он любит. – Ухмыльнулся Кикуд, уводя юную бродяжку с ее непоседливой подопечной. – Кого он только не проклинал, мне самому раза три довелось подвергнуться его пожеланиям. А ведь поначалу он был тише воды, пока все боялся, что его казнят. А какой ласковый был со всеми. Ровно до той поры, пока не понял, что родича новой царицы никто трогать не станет.

Затем вдруг, будто о чем-то вспомнив, передав малышку обратно в руки Нин, рванул к храмовой горе, откуда только что те бежали. Но Нин обеспокоившись, предчувствуя неладное, поспешила за ним, все так же держа на руках малышку.

– Эй ты! – В сторону храма на вершине, закричал Кикуд стоя у подножия. – Живой еще, храмовая крыса?! Не надоело еще, повсюду разбрызгиваться своим ядом?! Когда ты уже угомонишься?! Сколько можно терпеть твоё зловоние?! Мало ты крови попил?! Выходи, судить тебя будем! Думаешь, ты спрятался тут, и все, всё забыли?! Я – ничего не забыл! Люди – не забудут! Думаешь, легко отделался?! Ошибаешься! Я – тебя еще не судил! Люди – не судили!!!

И хоть все происходящее было скорее страшным и было не до созерцания красот, Нин невольно залюбовалась молодым кингалем, в нем было столько неумной страсти, а глаза горели огнем благородной ярости, что казалось это сам – ее любимый Ишкур, спустился, чтоб судить неподсудных на земле, судом небесным. И видом он был прекрасен, как прекрасен может быть только бог, в своей стройной и могучей стати; столько благородства было в нем, когда он метал гроздь гнева, и он был страшен в этом гнев, и был красив. Наверно так же в бою, он налетал на врагов подобно ястребу, что вороны безвольно опускали перед ним свои крылья.

– Ну, где ты?! Чего молчишь?! Отвечай! – Кричал юноша, напоследок в отчаянии швырнув в сторону храма камень, отзвуками простучавшимся по ступеням, но никто не отвечал ему, и только едва уловимый скрип прикрываемых ворот, говорил о том, что он был услышан, и тот, к кому были обращены те слова, их слышал, но трусливо прятал нос за створами. – Выходи!!!

Нин была перепугана еще сильнее, чем прежде и взмолилась к разгневанному воину, обычно спокойному и немногословному: «Не надо, оставь его! Тебя схватят! Уйдем отсюда! Прошу, пожалуйста!». А к ним уже бежали храмовые стражи, чтобы пресечь самосуд какого-то безумца, посмеявшегося встать против решения высших. И Нин все умоляла, все уговаривала, а Кикуд взявший из ее рук малышку, готов был увести их, и только сама малышка уже мирно посапывала, на его большом и сильном плече.

– Солнце перестало светить как прежде Уруинимгина сын Энгильсы, от человеческого вероломства солнце уже не светит как прежде. Уруинимгина сын Энгильсы, твой отец был боголюбивым человеком, почитавшим их и слушавшим советы божьих людей, и боги в ответ любили его. И мы думали, что и детям его передано это богопочитание и послушание. И мы доверились тебе Уруинимгина сын Энгильсы.

Уруинимгина сын Энгильсы, слушай нас! Мы дали тебе волю в твоих начинаниях; мы призывали народ идти за тобой; мы помогли, мы низложили с тобой зарвавшегося самодержца, мы вместе радовались этому; мы позволили тебе творить угодное Нингирсу по твоему разумению. Мы свое призвание выполнили. Теперь мы ждем, мы надеемся, мы требуем, что и ты начнешь исполнять свое.

По пустынным просторам, одиноко разносятся голоса сонма жрецов Нингирсу, отдаваясь от стен громовым раскатом.

– Святейший совет несправедлив ко мне. Разве я, не следовал нашим уговорам? Разве храмы, не получили обратно земли, когда-то произволом присвоенные Энентарзи и его наследником? Разве я не вернул вам, попранные права и преимущества? Разве не избавил от поборов? Разве божье не вернулось божьему? – Возражает совету, восседающий на престоле человек.

– Как смеешь ты, долг свой перед богами, называть уговором?! – Грозно вещали ему.

– Да простят меня досточтимые старцы и святейшие мудрецы, но долг свой перед богами я стараюсь выполнять день ото дня, не уговариваясь со служителями храмов, которые такие же люди как и все.

– Да как ты посмел...! – Начал браниться один из жрецов потрясая посохом, но знаком был остановлен старшим, давшим понять, что говорит здесь он.

– Да, мы лишь простые люди и нам с нашего ничтожества даже низко не стоять рядом с великими анунаками, и мы сознаем это, обращаясь, всякий раз к высшим за их волей и помощью. Но мы помним также про то, что от них нам ведомо то, что неведомо людям живущим. Мы люди, но мы наделены великими знаниями высших; мы люди, но обладаем правом вещать божью волю. Потому, говорим мы тебе: слушай нас и услышишь речь господина.

– Чем же я мог прогневить Нингирсу? Я во всем следую его заветам.

– В своем стремлении угодить бедным, ты обижаешь богатых; отнимая, ты не даешь удовлетворения в праве; твои люди в своей безнаказанности сами творят беззакония и потакают хулителям вельмож и богов.

– Кто посмел, творить беззакония от моего имени?! – Нахмурившись, спросил Урунимгина.

– Поступок молодого кингаля, не имеет оправданий.

Дальнейших пояснений не понадобилось, побледнев, лугаль ответил не сразу:

– Я знаю, что Кикуд достоин всяческого порицания, и он будет наказан за своеволие. Но стоит ли это вашего внимания? Ведь он никого не убил, не ограбил.

– Он нарушил покой бога и грозился его слуге! Он пытался осквернить дом божий! – Не выдержав, вскричал с места жрец Шульпаэ.

– То, что Лугальанда там прячется от гнева народа, не значит, что он стал вдруг жрецом вашего храма...

– Богохульник! А ты не забыл, что лугаль это тоже слуга божий?! Это и тебя касается, ты кажется стал забывать о том!

– Я помню. Я помню также, что лугаль старший над всеми жрецами, и потому – жрецы должны внимать ему и следовать его воле. А вы, кажется, стали забывать о том!

– Мы помним. – Вновь взял слово верховный жрец Нингирсу, встряв в перепалку. – Но не забывай, что и Лугальанда был когда-то старшим над нами, но свернув на тропу несправедливости и беззакония, он встал против бога, и был нами низложен за это.

– Не вами, но народом! И потому он не лугаль больше, и не слуга божий. Где вы были, когда люди голодали от непосильных поборов, а богачи, о которых вы сейчас так печетесь, жировали и веселились? Где, я спрашиваю?! Лишь немногие из вас, были недовольны этим. Вы же с упоением служили этой несправедливости, оправдывая ее и принуждая людей смиряться с ней.

– Мы тем старались, укреплять основание строения земли нашей, чтобы всякие смутьяны не расшатывали его на радость врагам!

– Землю зыбучими песками не укрепить. Что сделал Кикуд такого, что вы требуете его наказания? Я люблю его как сына, и я не позволю возводить на него напраслину и наказывать по надуманным обвинениям. Кто видел его богохульство? Кто освидетельствует и поклянется в том перед богами? Кто пройдет через испытание водой?

Никто из жрецов не осмелился ручаться за свидетельства храмовых стражей, но старший среди старших, но главный жрец бога Лагаша Нингирсу которому служил и Уруинимгина, и к чьим речам должен был прислушиваться, насупившись, потребовал:

– Ты стал слишком мягок Уруинимгина сын Энгильсы. Нингирсу недоволен тем, что преступники не получают заслуженной кары за свои злодеяния. Не для того мы избирали тебя, чтобы ты поощрял несправедливость.

– Я вернул богам земли, чтоб общинники трудились на ней, не боясь умереть с голода или стать подневольными закупам; я отстраиваю вам для богов новые дома и молельни, чтобы люди возносили их величие и благодарили за блага. Что вы еще хотите от меня? Крови?

– Пора карать смертью за богохульство и безнравственность. Ты защищаешь близких тебе людей, мы же хотим, чтобы преступники получили заслуженное.

– А Лугальанда, входит в их число?

– Лугальанда неподсуден! Он под защитой богов и не совершал ничего неугодного им! – Вновь не удержался жрец Шульпаэ.

– Отчего же? Ведь он мой свойственник, и, не судив его, я поощряю несправедливость защищая своего родича.

– Да как ты...! – Вновь взорвался жрец Шульпаэ, но вновь был остановлен старшим жрецом.

– Ладно. Пусть Кикуд завтра же покинет город и не появляется здесь более без надобности. – Примиряюще сказал старший жрец, дабы не допустить раздора внутри, кажется благодарный увертливости лугалья.

– И он не понесет никакого наказания?! – Возмутился крикливый защитник Лугальанды.

– За свою дерзость, он должен сдать полномочия шестидесятника. Негоже богохульнику управлять воинами Лагаша.

Удовлетворенный благоприятным исходом, лугаль успокоил собравшихся священнослужителей:

– О том не беспокойтесь, он уже лишен этого почетного звания и вернется на заставу простым дружинником.

– А бродячие шуты?

– Чем вам бродячие шуты не угодили?

– Они в своих представлениях, выставляют благородных вельмож и богослужителей в глупом виде.

– Что ж делать – усмехнулся Уруинимгина, – коль благородные вельможи и богослужители, порой дают для этого повод?

– Они вносят в умы людей разврат и бездушие. Пусть возвращаются к себе.

– Они спасли моего сына, и я не уподоблюсь шакалу, выгоняя их как каких-то воров.

– Твоего сына спас юный ученик лекаря, он пусть останется. Остальным лежит дорога.

– Плохо вы знаете людей, особенно молодых и горячих. Их сердца еще не очерствели, а привязанностей слишком мало. Он не бросит их, для него они теперь семья. Меня удивляет возмущение служителей бога пиршеств и игрищ, представлениями бродячих игрецов. Разве вы в своих храмах и на площадях, не делаете то же самое?

– Как смеешь ты, сравнивать игру благородных служителей храма с этими безбожными бродягами?!

– Прошу тишины! Ладно. Этот вопрос мы пока оставим. – Грозный стук посоха и примиряющие слова, несколько остудили жрецов Шульпаэ и успокоили Уруинимгину.

– Все это хорошо, только святейший предстоятель видимо забыл свои слова о том, что Нингирсу, которому он служит верой и правдой, требовал наказания для преступников. – Разрезал голос пустоту, отдавшись по стенам, когда вздохнувший с облегчением лугаль привстал уже, собравшись уходить.

– Все мы только что слышали, как досточтимый Уруинимгина заверил нас в том, что Кикуд в наказание за свою дерзость будет служить простым дружинником.

Но жрец Шульпаэ, не удовлетворившись подобным ответом, продолжал настаивать:

– Святейший говорил о настоящем наказании для преступников.

– Да-да, мы все это слышали. – Подхватили другие, почувствовав слабинку служителей Нингирсу.

Верховный жрец, не готовый к подобному повороту, совершенно растерявшись, не нашелся что ответить. Он понимал, что с падением Уруинимгина, как служитель бога падет и он. Решив грозными словами приструнить заносчивого царя, он сам загнал себя в угол.

На счастье, лугаль сам показал, что не зря занял свое место:

– Вы хотите настоящего наказания?! Хорошо, пусть будет по-вашему. Вы все помните о законах наших отцов и о том, что многие из них давно не исполняются?

– Помним. – Не подозревая подвоха, согласились жрецы.

– А помнят ли святейшие о том, что многие, в том числе уважаемые люди нашего города, продолжают жить во грехе, вопреки запрету отцов? Что многие, продолжают брать мзду и обворовывать общее ради личного? А ведь от этого страдают слабые: вдовы и сироты. И вы святейшие, до сих пор допускали это, да и сами не гнушались брать с людей сверхдолжного, хотя богами призваны блюсти их порядок. Вы не боитесь их гнева? Боги да судят вас, я вам не судья, но вельмож не обличенных священным саном, судить я еще могу. Вы требовали смертного наказания за богохульство и безнравственность: а что может быть богохульней и безнравственней, жизни наших лучших людей, забывших о праве слабого? Завтра на совете...

– Да твой совет, сборище голодранцев!!!

– Завтра на совете! – Громче повторил Уруинимгина, давая понять, что окрики ничего не изменят. – Я оглашу приговоры для преступлений, и для преступлений забытых вами тоже. А чтобы никто не говорил, что новый лугаль, как и прежние, творит незаконный произвол: отныне к каждой казни будут начертаны скрижали о злодеяниях, за которые преступник осужден.

«Сильный, да не обидит слабого». – Вот к чему призывает право отцов, и я стараниями своими тшусь исполнить эти заветы предписанные нам сверху, пусть вам это и не нравится.

Уруинимгина рывком поднялся с места и твердой решительной поступью покинул заседание, оставив священный совет недосказанностью речи, в недоумении и тревожных догадках.

Чтоб как-то загладить свою вину перед Уруинимгиной, Кикуд не захотел покидать столицы, не представ перед людским и божьим судом вместе с неподсудными, о котором во всеуслышание объявили глашатаи и вдавливали на столбцах писцы. Накинув на голову широкий сатуш, чтобы скрыть лицо от нежелательных взглядов, он стоял тут же среди всех этих убийц и мздоимцев.

Бродяги в силу своего обитания вблизи городских сует, тоже были здесь среди толпы. Узнав в осанистом преступнике молодого кингалья, Мул пробиралась к нему, чтобы поддержать в тяжкий час за заступничество: бессмысленное, безрассудное, но благородное и такое нужное для юной бродяжки. Сама Нин, не зная причины порыва подруги, ринулась за ней.

Шум стоявший над заскучавшей толпой, улегся, когда на лобное место поднялся Уруинимгина. Люди приоткрыв рты, ожидали от него речей, воодушевлявших их на свершения, но во взгляде их са-каля не было уже той искры, того огня, той веры, что вела их на неприступную крепость зарвавшегося Лугальанды, заставившей стражей склонить перед ними горделивые головы, а воинов встать в их ряды. Теперь в его глазах лишь грома чувства долга перед богом справедливости Нингирсу, которому он должен следовать.

– Свободные жители славного Лагаша! – Прокричал он, обращаясь в толпу, и смотрел в нее, словно ожидая поддержки в своем непростом решении, которое он собирался сейчас им

объявить. – Наши святейшие старцы, в своей мудрости явили мне мысль о том, что боги хотят видеть в нас своих верных последователей, которые творя добро, однако не забывали и про зло, что еще окружает нас! Что каждый должен блюсти, чистоту нравов и установленный богами порядок, а преступивший их, должен понести заслуженное наказание! А этому, по законам древних, наказание – Смерть! – Пронеслось по площади леденящим приговором, это страшное слово.

Люди замерли, ожидая, что скажет их вождь.

– Вы знаете, что я не приемлю напрасного насилия, но правосудие должно вершиться и кто-то должен его вершить! Нингирсу! Он один может решать дела правосудия! И наши святейшие жрецы дали мне знать, что он дает нам право судить смертью преступников! Мы вынесли приговоры по самым злостным деяниям, но во избежание произвола, один я, не могу взять на себя эту ношу, а судьям нет веры у вас! Потому я хочу, чтоб вы послушали и сами решили, правильно ли мы поступили осудив тех преступников. Может кого-то мы осудили несправедливо, а кто-то достоин вашего снисхождения, судить вам! Только одно скажу вам: если вы чисты душой, каждый неправый приговор ляжет на вас тяжким бременем, и будет гнетом давить на вас – всю вашу жизнь! Посему призываю вас, не выносите скороспелых решений, подумайте крепко, прежде чем помиловать кого-то или лишит жизни!

С этими словами он скромно отошел, дав возможность оглашать приговоры, вся остальная часть, уже ложилась на плечи собравшегося люда. По взмаху распорядителя выводили преступников, и глашатай называл их вину и полагающееся за это наказание, и уже народ должен был судить, как с ними поступить. Люд Лагаша, в отличие от толп Киша или Унука, научился мыслить имея голос в решении своей жизни, а не безропотно подчиняться решению высших, и потому к каждому обвинению старался подходить по совести, будто это их судьба там решается. Обсуждение обходилось без драк и лишнего шума, каждая сторона приводила свой довод, а другая или соглашалась с ним или приводила свой, пока обсуждение не приходило к единому мнению, устраивавшему всех или казавшемуся наиболее бесспорным. Так под общее одобрение, был помилован общинник, взятый по поклепу богатого соседа. Затем последовал насильник, божившийся в раскаянии и уверявший, что совершал деяния под давлением госпожи. Его недолго думая, отправили искупать свое преступление, раскапывая отводы вод для общего блага. В конце концов, дошла очередь и до тех, для кого и был устроен этот народный суд.

Как только на помост вывели перепуганных сановников, поднялся шум, кто-то ликовал от радости, что наконец-то принялись и за ненавистных богачей, но кто-то и плевался на вельмож, из-за недовольства, что им кидают этих двух зарвавшихся чинуш и проворовавшуюся прелюбодейку, как бросают кость собаке, чтоб она не зарилась на мясо. После небольшого волнения, люди собравшись с духом, усиленно начали вспоминать все их грехи, начиная со времен Энтемены, но вышедший вперед верховный судья, обратился к людям с призывом, чтобы они не судили за прошлое, но судили бы за преступления нынешние, совершенные подсудными – уже прощенными за грехи старые, если это только не убийство. Вызвав недовольство, это все же облегчило работу народным судьям, и они пришли к соглашению, что один из обвиняемых все же достоин послабления участи. И писцами был вытиснен приговор об отправке его на работы для нужд города, до той поры пока он честным трудом не отработает все, что у него украл. Эта милость, была немногим лучше той, что ожидала приговоренных к смерти: чтоб возместить нанесенный ущерб честным трудом, этому мздоимцу и вору пришлось бы протрудиться не одну жизнь, и взывший от горя или радости, он был удален стражами. Оставшийся сановник, воодушевленный предыдущими помилованиями, дико озираясь и отыскивая бегающими глазками среди своих неожиданных судей самых жалостливых, попытался также искать милости, введя толпу в замешательство. Но тут, откуда-то из глубины ее, послышался возмущенный женский окрик:

– Лююдии!!! Да что же вы слушаете этого насильника?!! Неужели забыли, сколько зла он причинил вам со своей потаскухой?!! Или он перестал вас обворовывать?!

Там где раздался окрик, толпа расступилась перед женщиной средних лет с перекошенным от страдания лицом. Это освежило людям память, и они начали вспоминать все то зло, что этот человек успел совершить, уже после ухода Лугальанды.

– Он обобрал меня до нитки!

– А меня оставил без жилья, и теперь я с семьей вынужден ютиться по углам, чтоб не оказаться за забором!

– Этот червь, домогался моей жены!

– Моей тоже!

– Он угрозами заставил быть с ним мою сестру, а муж обвинил ее в измене и выгнал из дому, и теперь ей грозит суд! – Плакала молодая женщина.

– Он насильничал мою дочь! Кто теперь возьмет ее в жены?! – Тоже чуть не плача, причитал несчастный отец.

«Ничего-ничего – успокаивали люди вокруг, – мы не дадим вас в обиду.»; «Мы не позволим тронуть твою сестру, в том нет ее вины.»; «Твоя дочь, не останется без мужа, она невинна.»

– При Лугальанде, он отдал управление прелюбодейке, и она творила все, что ей вздумается! Она запустила руку в казну Лагаша, и воины недосчиталось жалования!

– Но ее судили!!

– Судили, пока она пела песни и любовалась цветами! А потом и вовсе забыли наказать!

– Где она?!! Ее тоже нужно судить!!

– Это прошлое! Судья сказал, чтобы судили за нынешнее!

– А вы думаете она стала лучше, не получив по заслугам?! Или воины перестали гибнуть, от того, что войска по ее милости оставались в нужде?! А, не она ли обворовав нас, нам же и сейчас смеется в лицо, видя наше бессилие найти на нее управу?! Не она ли домогалась наших сыновей, когда ей наскучило лобызаться со своими полюбовниками?! Тьфу!

Под одобрительные выкрики, вперед вытолкнули пышнотелую бабу, натворившую столько бед, сейчас же, стоявшую перед ними дрожащей и кутавшейся в покрывало.

– Где мои сыновья?!!! – Закричала женщина с перекошенным лицом. – Что вы изверги с ними сделали?!! – И бросилась к помосту. Но не выдерживая душевных мук, не сумев совладать с собой повалилась на землю.

– Все ее сыновья сгнули на войне, когда по приказу Лугальанды были отправлены на войну с Уммой, не имея даже острого оружия, чтоб биться, и крепких щитов, чтоб оборониться. – Шептались знающие люди. – Как же, ведь звонкие ги для покупки оружия, перетекли под подол к этой двоумужнице.

Это еще больше, придало людям уверенности в порывах к справедливому возмездию для преступницы.

– Она также повинна, как и ее полюбовник!!

– Пусть ответит, перед теми кого осиротила и обидела!! Нет ей прощенья!!

– Пусть у погубленных ей ищет милости, а мы – не прощаем!!

«И пусть ответит!!! Пусть ответит!!!» – Разнеслось по площади.

Распорядитель склонил голову приняв волю народа и подозвал глашатая для зачитания приговора.

Наконец, дошел черед и до Кикуда. Увидев кто скрывается под сатушем, народ ахнул.

– Кто там? – Посыпались вопросы, людей далеких от помоста.

И им тут же отвечали:

– Это храбрый Кикуд. Кингаль молодых агаушей, что стерегут наши рубежи от уммских вторжений.

– Мы все знаем Кикуда, как честного и благородного юношу. Не может быть, чтоб он кого-то ограбил, обидел или насильничал. Это ложь.

– Да, верно. Он готов всегда помочь, когда бывает здесь. И родители его были людьми благородными и справедливыми и всегда стояли за правду и простой люд; за что и попали в опалу к Лугальанде. И он такой же.

– Это все жрецы воду мутят.

– Не ври. Жрецы освободили нас от ига Лугальанды.

– Жрец жрецу рознь. Одни освободили, другие хотят снова ярмо надеть.

– «Что здесь делает молодой кингаль?!» «В чем он провинился?!» Отпустите его немедленно! – Послышались из толпы возмущенные возгласы, очнувшихся от оторопи лагашцев. – «Лугаль нас предал и продался богатеям!»

Будто задетый обвинением, вперед выступил сам лугаль, вздев руку, чтоб быть услышанным; и его громогласный крик, отзвуками отдался по площади:

– Этот молодец был схвачен храмовой стражей, и обвинен ими в богохульстве и осквернении храма! Это обвинение, которое не отбросить в сторону как пустое! По законам отцов, за такое злодеяние наказание неминуемо! И от вас только зависит, насколько тяжелым оно будет для него!

Ошарашенные столь страшным обвинением, люди на миг потеряли дар речи, пока наступившее молчание не прервал недоверчивый глас:

– А как же он это сделал?! Храм поджег?!

– «Да, пусть расскажут! Верно, они сами это придумали!»; " Храмовым стражам веры нет!"; «Верно! Еще неизвестно, что это за стражи такие!» – Будто разбуженные нечаянным криком, подхватили и другие.

– Стражи Шульпаэ. – Подсказал кто-то из окружения Урунимгины.

– Шульпа-а-а-йэ?! Хых, тогда все понятно!

«Как вы могли поверить этим прихвостням Лугальанды, они же только и мечтают, чтоб вернуть его обратно?!»; «Их самих давно пора четвертовать!»; «Их речи лживы, а клятвы кривы! Как вы им поверили?! Позор вам!»; «Позор! Позор!» – Тут же посыпались обвинения со всех сторон.

– Чего мы тут стоим?! Бей их!! – Крикнули вдруг, откуда-то из толпы.

И несладко пришлось бы служителям храма, несмотря на безмолвных стражей, не будь люди благоразумней. Упреждая мятежное настроение, снова вышел лугаль и обратился к ним:

– Да, это стражи Шульпаэ! Но не должны ли мы исполнять законы отцов, и выслушать даже обвинения лживых, если только хотим вернуться в лоно матери?! Иначе, все это зря! Пусть суд решит, что в их словах правда, что ложь! Суд человеческий! Суд божий!

«Ниса дело говорит! Правильно, пусть суд решает!» – Закивали все одобрительно.

Позвали храмовых стражей. Было видно, что смущенные и бледные от волнения, служители Шульпаэ не ожидали подобного для себя оборота. Но на вопросы судей и отрицания своей вины Кикудом, стояли на своем: «Кингаль богохульничал – понося бога и осквернял святой храм.»

Хмуры стали люди, воодушевленные было решением нисы; хмур был лугаль; хмуры были судьи, понимая, что придется выносить им смертный приговор несчастному молодцу; пал духом обвиненный кингаль, но еще требовал испытание водой, надеясь хоть отстоять свое честное имя. На что получил отповедь жреца Шульпаэ, что обвиненный многими не может требовать божьего суда.

Предчувствуя ужасный исход, будто на что-то надеясь, верховный жрец Нингирсу настоятельно вопрошал грозя божьим гневом, не желает ли кто-то из обвинителей изменить свое слово пред его очами, но снова получил твердый ответ: «Кингаль богохульничал – понося нашего бога и осквернял святой храм.»

– Это неправда. – Почти про себя прошептала Нин, прослышав, наконец, показания храмовых стражей, и не услышанная вторила громче. Но ее никто не слышал, и лишь подруга поняв, что она хочет сказать что-то важное, переспросила ее. Тогда Нин почти крикнула, но голос в пересохшей от зноя и волнения гортани, на сей раз подвел ее. И снова она не была услышана людьми, даже не заметивших ее порыва, но тот кто слушал услышал, и схватив бродяжку за руку, почти несясь стремительным шагом, Мул повела ее к лобному месту, громко восклицая:

– Слушайте люди!!! Вот та, кто опровергнет ложь! Послушайте ее!

Расступаясь, люди глядя на нее с надеждой говорили:

– Пропустите, пропустите их, они знают правду.

Пропустив гостей к лобному месту, все с нетерпением ожидали, что же такого они знают и расскажут. Но всеобщее ожидание не касалось жрецов и служителей обвиняющих Кикуда, вовсе не горевших желанием опровержения их обвинений.

– Кто эти женщины?! – Вопросил жрец Шульпаэ, будто впервые их видел. – Ни я, ни мои послушники, не знаем таких женщин среди свободных жителей Лагаша. Может они рабыни? Тогда где их господин, который мог бы подкрепить их показания словом своего честного имени?

– Видно служители пиршествующего Шульпаэ совсем отгородились от мира, в своем служении светоносности, что не слышали о приезде веселых игроков с северных земель Калама. Людей хоть и бродячих, но черноголовых, таких же свободных как и мы, вольных в своем действии. – Выступил сам царь, в защиту своих гостей. – А значит и слово их, имеет столько же веса, как слово всякого свободного са-и. Шульпаэ покровительствует пению и играм, а стало быть и им. Их слово, против слова храмовых стражей.

– Ты святотатствуешь, слово бродяги не то же, что слово служителя бога! – Не сдержался жрец Шульпаэ, не оставляя попыток не допустить оправдания оскорбителя их саккаля.

– С каких пор, послушники стали вровень с посвященными служителями?! – Грозно осадил служителя Шульпаэ, верховный жрец Нингирсу. Что заставило того примолкнуть.

– Говорите. – Соизволил говорить бродяжкам, важный судья.

– Говорить будет она. – Уточнила Мул.

Судья кивнул, разрешая говорить Нин, и тут же спросил, что она может сказать в защиту обвиняемого.

Набравшись духа, Нин выпалила:

– Они врут.

– Говори, кто – врет?

– Они все. Стражи, врут про то как это все было; жрец врут, зная, что это все ложь.

– Да эта бродяжка, сама лгунья! – Взъярился жрец. – Лжет, пытаюсь оправдать своего возлюбленного!

– Если святейший жрец Шульпаэ не успокоится, он сам будет удален за недостойное поведение. Суд не торговая площадь, чтоб орать здесь подобно торговцам. – Осмелев после осаждения верховным жрецом служителя Шульпаэ, пригрозил судья.

– Откуда тебе известно, что храмовые стражи Шульпаэ лгут? Ты была там? Видела, все как было?

– Да. Была и видела.

– Продолжай. Значит стражи лгут, что молодой нубанда покушался на осквернение храма?

– Да.

– Расскажи как было; а мы будем судить – правда это, или навет. Значит, обвиненный кингаль не кидал камень?

– К-кидал. – По площади пронеслось негодующее придыхание.

– Хм. Он кидал, куда-то в другую сторону? Не в сторону святыни? – Попытался помочь с ответом судья.

– Нет, не в другую сторону.

– Хм. – Нахмурился судья. – Зачем ты вводишь в заблуждение, суд и людей здесь собравшихся? Говори, в чем тогда стражи неправы?!

– В том, что он не осквернял святыни. – Поспешила объяснить Нин, пока суд ее выслушивал. – Он не в храм кидал, и не на бога бранился.

– Что же он, воробьев там отпугивал?! – Торжествуяще высмеял юную скоморошку жрец Шульпаэ, чувствуя слабость ее показаний.

– Я попрошу соблюдать тишину и порядок! – Успокоил судья и его и поднявшееся волнение народа. – Мы еще не выслушали свидетеля и не знаем, что у нее есть сказать в защиту.

– Скажи тогда, в кого он кидал и на кого бранился? – С завидным, но привычным для него терпением спрашивал судья.

– Там был старик. Он кричал на нас с Мышкой.

– Какая мышка?

– Девочка, сиротка.

– Ааа. – Улыбнулся судья своей недогадливости. – И она тоже может дать показания?

– Неет, она еще маленькая, она еще даже говорить не умеет.

– Ах, так. – Снова смутился, строгий вершитель судеб. – Ты сказала там был старик, который кричал на вас... с Мышкой. Что это был за старик, ты знаешь?

Нин с облегчением подметив про себя, что строгий председатель смягчился, перешла в наступление:

– Знаю. Кикуд сказал мне, что это старый Лугальанда.

По толпе снова прошел гул негодования, но на сей раз к старому лугалю. Кто-то уже начал громко возмущаться, призывая служителей к ответу. Но судья дал понять, что не время решать кто прав кто виноват, не выслушав свидетеля до конца. И начавшееся было волнение, тут же улеглось.

– Что же так прогневало ста... Лугальанду? Может вы дразнили его?

– Не-еет! – Возмущенно воскликнула Нин. – Я только нашла там малышку и собиралась увести, как он появился и начал ругаться.

– И что же Кикуд? Он тоже был с вами?

– Нет, его еще не было. Мы убегали, а он проходил рядом. И когда он узнал отчего мы бежим, он хотел вступить за нас, но старик уже ушел. Вот он сгоряча и кинул камень в его сторону, и призывал к ответу.

– Угу. Призывал к ответу, за то, что он кричал на вас?

– За все. И за это, и за все зло, что он сделал лагашцам, пока правителем был. А они говорят – богов хулил. – Кивнула она в сторону стражей.

«И праавильно делал, что призывал! К ответу старую крысу!»; «Так мы и думали, что без старого лугалья здесь не обошлось!»; «Пусть ответит за свои злодеяния!» – Заполонили площадь, поддерживающие Кикуда возгласы. – «Зачем ему все спустили с рук! Его миловали, а он еще огрызается!»; «А этих клеветов в воду, чтоб другим неповадно было!».

Испуганные служители храма сбились в кучку, вспомнив о народном гневе. Поняв, что дело может закончиться самосудом, Урунимгина оглядев их с усмешкой, с издевкой протянул:

– Что, испугались? То-то же. Народ не любит несносных шуток.

И тут же обратился к народу с заверением, что пока идет суд, кого-то тронут, только если убьют и его.

– Что предлагает делать досточтимый лугаль? – Вышел вперед, седовласый и седобородый старик. – Как терпеть ту злокознь, с которой они губят лучших из нас; с которой, непрерывно пытаются вернуть времена нашего бездоля? Накажи их лугаль.

- Непосильную ношу, ты хочешь взвалить на меня алга. – Тяжело вздохнул Урунимгина. – Пойти против законов Ме, против справедливости Нингирсу.
- За правду! За людей!
- Неет, алга, нельзя пойти за правду, нарушая законы справедливости. Нельзя пойти за людей, беря на себя бремя всевластия. Все это рушит остовы мироздания. Раз нарушив, потом уже не соберешь. Не собрать разбитый кувшин, без трещин.
- Так, что же делать тогда? Терпеть их нет мочи.
- Пусть суд решит.
- Суд их отпустит. – Мрачно предрек старик. – И казнит Кикуда. Что им правда, какой-то побродяжки? Они прислужникам храма поверят.
- Этот суд честный, беспристрастный. Он судит по закону, а не по чину. Разберется. Если Кикуд невиновен, отпустят.
- Как разберется? Водой будет их проверять?
- Я готова. – Послышалось робкое, но твердое слово.
- Что – готова? – Несколько побледнел Урунимгина, осознавая на какую опасность обрекает себя скоморошка.
- Готова пройти испытание.
- Что ты? Какое испытание? Не вздумай даже, это не игрушки. – Попыталась отговорить ее Мул.
- Но, обычно покладистая Нин, отстранилась от удерживающей ее руки подруги.
- Не держи меня Мул, я все равно это сделаю. Я не боюсь божьего суда.
- Ты же погибнешь!
- Боги видят, что я не лгу, они не допустят сотвориться неправоте. – С убеждением собственной правоты, гордо сказала Нин.
- И выступив вперед, повторила суду во всеулышание:
- Я готова пройти испытание! Боги не осудят истины!
- Ты твердо это решила? Смотри, обратно слова не оборотить. – Попытался образумить ее судья.
- Да.
- Я тоже пройду испытание! – Выступила Мул, понимая, что бродяжку не остановить, встретив благодарный взгляд Нин.
- Не делайте этого!! Я должен это сделать сам! – Почти кричал от отчаяния Кикуд. – Зачем вы?! Велите им, отказаться от своих решений!
- Ты думаешь, обещания перед божьим судом – суетные речи, чтоб от них отказаться так легко?! – Грозно произнес помрачневший судья.
- Тогда берите его и с меня. Я готов пройти божий суд, чтоб доказать, что все было так как рассказала Нин!
- Быть по сему!
- Суд все решил. Слово оставалось еще за кингалем, и он нашел что сказать.
- Что ж, сторона защищающаяся свое намерение выразила, а готовы ли обвиняющие пройти испытание? Суд божий! – Напрямую спросил он обвинителей, совершенно растерявшихся перед решимостью простых бродяг. – Вы готовы заверить свои обвинения, окунувшись в священные воды мудрейшего Энки?!
- Стражи стыдливо опустили головы, от ужаса не смея произнести и слова.
- Что же вы молчите?! – Под общее ликование и негодование, взывал их к ответу народный лугаль. – Что же решит правосудие?! Обвинители не хотят отвечать!
- Отвечайте немедленно: принимаете ли вызов к суду божьему?! – Не сдержал гнева судья, все же раздраженный затянувшимся действием.

Снова не получив ответа, он уже собрался призвать градских стражей, силой заставить стражей храма Шульпаэ окунуться в священные воды, когда Уруинимгина, не желая напрасно злить жрецов Гирсу, спас послушников от неминуемой гибели, а суд от нажитых врагов.

– Что же, молчат обвинители? Выходит, не лгут защитники, и кингаль Кикуд не кривит. Что же мы их держим тогда, как разбойников каких-то?! Не стоит ль извиниться перед нашими гостями, за вовлечение в наши дразги, за хулу и ругань от старого лугаля; да и перед Кикудом за напрасные подозрения, и отпустить коль он не виновен?! – По площади пронеслись одобрительные крики. – И я, как глава нашего города, глубоко сожалею, что нашим гостям довелось испытать горечь наших давних раздоров, и прошу принять извинения от всего священного Лагаша.

Уруинимгира, приложив ладони к груди, поклонился Нин и Мул, и в сторону стоящих в стороне скоморохов.

– Ну, коли так, то и мы приносим извинения за себя и весь наш город. А что делать с этими тогда? – Прищурясь, спросил судья.

– А этих! Что с них взять?! Они видно ошиблись. С кем не бывает! Ведь это так?

– Да-да, мы ошиблись. – радостно закивали храмовые стражи Шульпаэ, хватаясь словно за соломинку за слова лугаля, и были отпущены с миром.

После этого сошли и девушки, и Кикуд хоть и был наказан высылкой к месту службы с лишением чина, за брошенный камень в сторону храма, под всеобщее ликование был освобожден из-под стражи.

– Да здравствует, мудрый Уруинимгина!!!

– Уруинимгима! Уруинимгима! – Оглушилась площадь громогласьем.

Пришло время казни. Сквозь шум и гам ликующих, Нин не расслышала, какая участь уготована приговоренным и обеспокоенно затараторила, то и дело дергая и дрожащим голосом переспрашивая подругу:

– Что он сказал? Что они хотят с ними сделать? Что с ними будет? С ними же ничего не сделают?

Но Мул будто не слыша, упорно не хотела отвечать, сосредоточенно глядя на лобное место и раздраженно отмахиваясь от нее как от назойливой мухи. Кикуд тоже внимательно наблюдал за происходившим, замерев словно хищник перед наскоком, и Нин не решилась тревожить его, отчаянно уповая на то, что ей не доведется быть свидетелем ужасного зрелища. Она была бы рада покинуть это место, но не смея продираться сквозь непроходимую стену людей, обреченно поглядывая туда куда уставились все.

Вот вывели человека, судя по виду не бедствовавшего, и какие-то люди начали проделывать над ним непонятные штуки. Но в конце концов, она услышала глухой стук и увидела как этот человек поник и, обмякши как тряпка, как будто вырвался из рук своих мучителей. Нин так ничего бы и не поняла, если бы не восторженно-одобряющие и удовлетворенные возгласы вокруг, и она с ужасом осознала, что сейчас на ее глазах произошло. Заколотившись как тысячи колотушек, ее сердце провалилось куда-то в пустоту, а внизу живота потянули неудобные позывы. Мул обратив, наконец, взгляд на подругу, не узнала в бледном перепуганном ребенке с огромными от ужаса глазами, бойкую и жизнерадостную девчущку.

– Что с тобой милая?! – Проорала она ей, чтоб быть услышанной сквозь шум голосов, но та, не отвечала, замороженно уставившись на место казни, куда подвели уже дрожащую как лист двоемужницу.

Нин смотрела, не в силах отвести широко раскрытых глаз. Нет, для нее не была в новинку сама казнь, в землях единоподдержия частенько кого-нибудь прилюдно лишали живота, но то ли, в силу бродяжей жизни, то ли, из-за мягкости собственного духа, она всегда ловко избегала присутствия на них. И долго еще Ама с Пузуром отыскивали ее, пока не находили в какой-

нибудь скирде соломы, как ни в чем не бывало играющей со щенком. Казнь, всегда была для жителей Калама действием зрелищным и желанным, если только это не касалось кого-то из их друзей или родственников, или не дай бог их самих. Желанным настолько, что не хотелось думать о том, что казнимый, тоже чей-то сват или брат, и по нему тоже может у кого щемить сердце, и кто-то может страдать от горя и льет сейчас по нему слезы. На них всегда собиралось множество люду, собирались со всех концов, кому только хватало места, изголодавшись, чтобы понаблюдать за долгожданным зрелищем, упивая свою страсть к крови. Но здесь, в этом крае добра и справедливости, не хотелось верить, что здесь как и всюду, людей так же приговаривают к смерти и казнят.

Вот приговоренную, под стук бубнов уже не подводят, а подносят к плахе, так как ноги ее от страха и застыли и обмякли, и не хотят ступать. Глашатай снова зачитывает приговор, выдавленный на глиняной дощечке, и передает его исполнителям; дальше произошло то, что заставило юную бродяжку встрепануться, очнувшись от своего оцепенения.

– Ааа!!! Нееет!! Нееет!! – Закричала она, отводя и закрывая глаза, силясь покинуть это страшное место. – Мул, уйдем отсюда! Мул, пожалуйста уйдем!

Мул, не ожидавшая такого поворота, как могла успокаивала подругу, и найдя спасение на груди товарки, та успокаивалась, всхлипывая продолжая повторять:

– Уй-де-ем, уй-де-дем, уй-д-ем, уе-дем...

– Тихо-тихо, уйдем-уйдем, конечно, уйдем. – Тихо приговаривала бывшая блудница, утешая подругу. – Ну-ну, успокойся, все же кончилось, смотри.

Так она успокаивала ее, а Нин так же тихо всхлипывая, шептала: «Уедем, уедем»...

3. Возвращение

– Брось! Запрягай! – С обирая в дорогу кунга, кричал своему юному помощнику лагашский ословод, то и дело, награждая его звонкими оплеухами. – Ну, что стоишь?! Держи повод! Да не этот, а тот! Да, что ты, криворукий?! Кто только слепил такого?

Красный от стыда и оплеух, мальчик чуть не плача, суетился, стараясь не упустить ничего из того, на что указывал ему старик, торопясь выполнить это как можно шустрее, чтоб не рассердить строгого наставника, но отчего наоборот, все валялось у него из рук, и он получал очередной подзатыльник и отповедь старика. Кикуду как и всем, было жалко мальчишку и неловко от того, что не он сам взнуздывает выючных; но так уж вышло, что старый ословод, свою работу никому не доверял, относясь к этому настолько ревностно, что с неохотой подпускал к упряжи даже своего помощника.

Как ни уклонялся бывший кингаль, все же к нему прицепили стражей как к какому-то преступнику. Все его уверения, что после лицезрения народного правосудия, он тут же, как наказано, собирался отправляться на заставу, не имели успеха, и удрученный, он уже был в ожидании унылого пути назад.

– Да какой ж дурак, на холку надевает?! На спину, на спину клади! Не на холку!

Воины долженствующие его доставить, должны были сопровождать торговый обоз, отправлявшийся в Киш, а заодно поручение для смотрителя крепости о переназначении кингала молодых. Воины Кикуду неизвестные, хотя судя по виду побывавшие не в одной передряге, и молодыми назвать их было нельзя. Кикуд подумал, что наверно, то были стражи откуда-то из дальних восточных застав, выслуживших себе право на повышение в место более благоприятное, и как им казалось, более спокойное. Глупцы, знали бы они, чего стоит удерживать долину от алчных притязаний уммийцев. Ему ли привирать, ведь его дружине раз от разу приходилось отбивать вероломные нападения, их, пока еще малочисленных отрядов; неуверенные, разрозненные, но от раза становящиеся все организованнее, многочисленнее и наглее. И это только на его, не самой беспокойной заставе.

– Что пригорюнился вояка? – Услышал он над собой насмешливый и до боли знакомый голос, который уже не чаял слышать.

– О, я рад, что перед прощанием луч сверкающей звезды, коснулся моих очей, мимолетным виденьем осветить недостойную жизнь, серебряным дребезжанием усладить слух. – Вырвалось у развенчанного кингала, неожиданно для себя, копившееся, но утаиваемое чувство.

Привыкшая к похвалам своей красоты, Мул не удержалась, чтоб не прыснуть от смеха, услышав подобные речи от сурового и немногословного воина.

– Откуда ты этого набрался??? Кто тебя научил высокому слогу?? Уж не наш ли служитель Инанны?? – Но тут же вернулась в напускное высокомерие, сдерживая радость. – Побереги красные слова на будущее, а то не останется. Нам с тобой еще долго ехать.

И только сейчас Кикуд заметил среди готовых к отправке кунгов, стоявших чуть в стороне от обоза, раздобревших и разленившихся на хорошем овсе ослов Пузура. Так уж случилось, что Мул не могла оставить их спасителя одного в своем наказании, и решила сопроводить его, чтобы хоть немного скрасить одиночество и поднять дух. Юная бродяжка, беспокоясь, что стражи не захотят посадить Мул в свою колесницу, не осталась безучастной и уговорила ехать Пузура, который узнав, что стражи будут сопровождать торговый обоз, согласился, сочтя разумным возвращаться на родину вместе с торговцами, под охраной вооруженных людей. Был тут и Аш, чье возвращение было не безопасным, но встревоженный, что учитель до сих пор не приехал, как обещал, и даже не дал о себе весточку, юноша был тверд в намерении вернуться, чтобы узнать о судьбе старика. Напрасны были уговоры Пузура и дру-

зей; напрасны уверения Уруинимгины, что он самолично приказал разузнать о своем друге. Ничто не могло удержать любящего сердца, совестившегося недавними обидами на учителя. Нин, не находившая себе места от мысли о расставании, несмотря на грозившую в Нибиру Ашу опасность, заметно повеселела, как только услышала, что он их не оставит и снова отправится с ними в путь, хоть и корила себя за радость, когда у кого-то на душе тревога. Поняв решимость молодого эштарота, мудрый лугаль не стал сдерживать юношеского порыва, распорядившись слугам, помогая со сборами в дорогу, снабдить его и его друзей всем необходимым. Прощаясь с гостями, Уруинимгина напутствовал их словами благодарности и пожелания доброго пути, а потом, как будто извиняясь за что-то, с какой-то еле уловимой грустью заключил:

– Не все готовы понять нас. Не все готовы смириться с тем, что где-то живут люди по законам справедливости, а не по разумению высших. Вельможным властителям в чужих краях, не смириться, не понять, что где-то появилась власть для людей, а не длямошен. Ведь у нас и рабы живут лучше, чем их общинники; да и рабство у нас не вечно. Они боятся. Боятся, что и их простолюдины и голодранцы, захотят жить по правде, а не по указанию высших, и избавятся от них. Нас поливают грязью, нас осыпают проклятиями, обвиняя нас в самых страшных деяниях, надеясь так, отвратить от нас людей и настроить против. Что говорить: порой это приносит плоды. Вот и сейчас, они всполошатся и обвинят нас в жестокости и звериной лютости, бесчеловечности. И не оттого просто, что мы казнили кого-то, но от того, что эти кто-то, не известное простолюдые, что во множестве умирает у них каждый день, и чьи жизни их не заботят, но люди знатные и именитые, связанные узами и с ними. И узы эти, сильнее для них любых уз: сильнее уз брака, сильнее уз любви, даже сильнее уз золота; уж, что-то, а манящий звон им дороже жизни, но и он не дороже им тех уз, что связывают их. Эти узы всех господ связывают меж собою, господ всех земель и городов, и одним богам известно, что это за узы. Ваш лугаль и его окружение торгуют с нами, поддерживают нас, пока во вражде с Уммой. Но боюсь, как только они повергнут Загесси, и они отвернутся от нас, а то и хуже. Так сильны те узы. Но только и это, не заставят нас отступить. Слишком тяжело далась нам наша правда, чтоб мы так легко могли отступить от нее.

Прощайте же, и не судите строго. Мира вам!

Нин, покачиваясь в возке, словно в люльке, нежно убаюкивала нового любимца – маленькую песчанку, преподнесенную ей на прощание от детворы Нгирсу маленькой непоседой, невольно послужившей причиной толчка стольких событий для стольких людей, для судеб Лагаша и всего Калама. Сколько слез было пролито при расставании ею и ее маленькими шаловливыми подопечными, столько добрых слов сказано на прощание, принято назиданий, без непонимания и обид, были прощальные объятия и поцелуи, были клятвы никогда не забывать. У Нин до сих пор щемило сердце, хотя она и понимала, что это далеко не первое и не последнее расставание, что жизнь преподнесет еще много испытаний и далеко не все они закончатся благополучно. Сейчас же, ей остались одни лишь теплые воспоминания и этот пушистый дружок, нежно тыкающийся своей мохнатой мордочкой, который не даст ей скучать, даже тогда, когда нужному ей человеку не до нее.

Молодые воины были крайне удивлены и возмущены, узнав, что их любимый и уважаемый ими са-каль, не кингаль им больше, и даже не кингаль десятка, а такой же рядовой воин, как какой-нибудь новобранец. А узнав, что послужило тому причиной, возмутились настолько, что возмущению их не было предела, так, что и прибывшие стражи обоза и кингали не в силах были бы успокоить волнение, если бы не вмешательство самого Кикуда, увещанием добившегося тишины. Глядя на то, с каким уважением все прислушиваются к молодому еще, но уже успевшему завоевать доверие стольких людей, воину, Мул испытала неожиданную гордость за чужого ей человека. Приняв доводы са-каля, о недопустимости разброда у ворот родного

дома, дружинники отметили, что каково бы ни было его положение теперь, для них, он всегда будет впередиидущим. Поблагодарив собратьев за доверие, Кикуд не без сожаления, признался, что поддался чувствам и подвел лугалья, державшегося хрупкого мира с вельможами:

– Вы знаете, что лугаль никогда бы не поступил несправедливо, и он вопреки воле жрецов, поступил со мной слишком милосердно. Я знаю, я за свою несдержанность заслуживаю наказания даже большего, но не за содеянное, а за то, что вступившись за меня, лугалю пришлось делать выбор между нами и ними. И он его сделал. И боги знают, чем для него это обернется. И для нас.

– Не вини себя. – Успокоил его пожилой смотритель, извещенный уже о новостях из столицы. – Может оно и к лучшему, что виновные понесли заслуженное наказание, люди давно этого ждали. Да и Нингирсу, пусть видит сверху, что дела его претворяются нами. А разве жрецы, посмеют пойти против воли господ?

Когда последний сторожевой сменился товарищем на забороле, моргнув сумерками, небо над крепостью накрыло непроглядной тенью, и день тут же сменился ночью. Мул, вглядываясь в темноту, тщетно старалась разглядеть в ней хоть что-то; светильники ночных стражей слепили и не давали привычки тесноте глаз, позволяя видеть лишь окрестности. Только отойдя в сторону, она смогла, наконец, разглядеть мгlistую дорогу, едва освещаемую редующим месяцем и холодом звезд, исходящим куда-то в такую же холодную и пугающую пустоту.

– Тебя она тоже манит? – Спросила она Кикуда, когда он нашел ее.

– Кто? – Настороженно спросил Кикуд, готовясь все опровергнуть, думая, что она спрашивает про маленькую бродяжку.

– Пустота неба.

– Аа. Но почему, ты говоришь пустота? Вон сколько звезд.

– Да, звезды. Вот древний охотник, разгоняет диких древних зверей по небесному своду. Как далеко убежала небесная медведица, со своим дитем. Смотри, как медведица прикрывает медвежонка, чтобы не дать охотнику дотянуться до него. А там, семь сестер прижались друг к дружке, словно ища спасения. А кто-то говорит, что это сам бог-воитель бьется со злобной праматерью, защищая наш мир, от ее всепоглощающей тьмы. Глупость. Если Тиамат всепоглощающая тьма, как она может еще и звездами сверкать? Звезды всего лишь звезды. Гляди-гляди, сияющая упала... В детстве, нам так хотелось узнать, где же падает такая сияющая звезда. Однажды, я даже пошла вслед за ней.

– Вслед за звездой?

– Мне так думалось. – Мул улыбнулась своей детской дремучести.

– И ты нашла свою сияющую?

– Неет. – Засмеялась Мул. – Только сияния на свои сиденья.

– Зато я теперь знаю, почему тебя так зовут – Йар-Мул. – Улыбнувшись, подхватил шутку

Кикуд.

– Дааа, хахаха.

Успокоившись после веселья, Мул продолжила свои размышления:

– Дааа, звезды. Но ведь, и они где-то кончаются. А что за ними?

– Не знаю. Об этом я никогда не думал.

– А я, все время об этом думаю.

– Это ведь кощунство, говорить так. Там боги.

– Кто их видел? Кто знает, как там у богов?

– Жрецы говорят.

– Жрецы, они много говорят. Кто-то говорит боги на небе, а кто-то на большой горе.

Все ли в их словах истина? Ты же сам пострадал от них за правду.

Кикуд не нашелся, что ответить, да и меньше всего, ему хотелось ей противоречить. Тогда она продолжила:

– А там, за ними пустота, бездонная пустота с непреодолимостью разуму? Когда я об этом думаю, мне становится страшно. Жутко, насколько мы и даже боги, перед ней ничтожны и беспомощны. Но мысль эта и манит к ней.

– Удивительно – восхитился Кикуд. – Сколь много дум о мироздании, может скрывать в себе, не жрец, не жрица и даже не прислужница в храме, а простая...

– Блудница. – Горько усмехнувшись, заключила за него Мул, прежде чем он успел договорить.

– Селянка. – Поправил он, и добавил, что только от очень умных людей доводилось слышать подобные вещи, которые недоступны невеждам.

– Что ж удивительного? Со мной знавались не только грубые вояки, но и святейшие служители храмов, и они не упускали возможности блеснуть своими знаниями и высоконравной духовностью перед деревенской невеждой. Вот мое невежество и заполнилось всякими умными словцами.

– Прости Мул, я не хотел тебя обидеть. Мне жаль, если это тебя задело.

Мысленно благодаря Кикуда за понимание, она слегка вздрогнула веками.

– Ты говорил, что уверен в том, что великая нужда заставила меня встать на такой путь. – Сказала она, и прежде чем он успел что-то ответить, продолжала. – Я расскажу тебе, и ты сам решишь.

И она рассказала, запинаясь нахлынивавшими чувствами:

– Все началось с того времени, когда кому-то вздумалось мутить воду, нашей и без того беспросветной жизни, вытащив откуда-то из грязи сына презренного чародея, снаряженного на потеху истинным лугалем всего Калама. И отчаянные люди юга, воодушевленные его словами, вылезая из своих болот, поднялись не на своих обидчиков в больших домах, но стали грабить и убивать таких же обездоленных какими были сами. Однажды, горе пришло и в наши дома, когда перед вечерней зарей, в наше поселение ворвались безумцы влекомые призывом уничтожить все, что связывало еще их с ненавистным севером, и начали крошить и грабить. И кому-то из нас, пришлось пасть под их ножами и палицами. И среди тех несчастных, оказались и мои несчастные..., а меня..., убийцы... меня посадили в свою повозку и... возили с собой, пока... натешившись, не вытолкнули голую и посрамленную на пыль дорог.

Шло время, у людей зализывались раны: похороненные поминались в скорби; живым, кому пришлось труднее, помогали всем миром; уведенных оплакивали как мертвых; и только я, оставалась вне этого, и только меня обходили стороной. Меня никто не обвинял в лицо, все всё понимали, но в душе не могли простить, что чьи-то дочери были уведены в полон, а меня оставили у порога. И молодые не подходили ко мне с предложением сердца, не желая связывать свою жизнь с порченной. Только..., только блудливые мужья, тайно стучались по ночам, требуя удовлетворить их похоти, но я не подпускала их и близко, бранью, камнями и палками отгоняя от охоты изменять женам. Ты спрашиваешь, как же случилось тогда это? Нет, не тогда. Ты спрашиваешь, как я выжила? Слушай же дальше.

Как я сказала, мои сородичи относились ко мне с сочувствием и пониманием. Но одно дело сочувствовать, другое принять. Трудно себя заставить любить, еще труднее забыть. Потому мои соседи сторонились меня. Но, чтобы не бросать в нужде и голоде, оставили мне горсти ячменя, от доли моих бедных родителей, часть которого я посеяла. Я выходила в поле, собирать съедобные травы и коренья, охотясь в поле на мелких грызунов и птиц. Тем и жила. Но я никогда не держала на своих беспокойных соседей, обиды или зла. Напротив, я была им благодарна: за то, что не дали мне умереть с голоду и не выгнали из общины; за то, что чтит память моих родных. И когда пришли северяне, установившие свои порядки и бравшие с общин в двойном размере, не только в наши города и их главному городу, но и на свои

погостья, пошла навстречу любящим сердцам. Видя, что поселению грозит неминуемая гибель от голодной смерти, старейшины общины тшась спасти людей, задумали отдать одну из дочерей, во славу покровительницы вдов. Но никто из родителей, не в силах заставить себя расстаться с любимыми чадами, и даже бросить жребий об этом, и дошло уже до драк, и тогда... тогда я вышла в погостье... Ну, а остальное ты уже знаешь. Сначала ушли кишцы, напуганные возрастающей силой юга, которая пришла вслед им, а с ней пришли и новые порядки, и не менее тяжкие поборы. Обижаемые кишцами, вскоре мы узнали, какую прелесть приносит и родная власть, когда наемники нанятые ею, с ее попустительства разбойничали на нашей земле, нападая на беззащитные селения и творя насилия. В один из таких тревожных дней, пришел черед и нам, испытать ужас, какой испытывают несчастные поселения взятого врагом на щит. Так я и оказалась в руках этих злодеев. Ну, а потом появился этот мальчик и освободил нас всех, а потом вы спасли нас.

Кикуд, невольно прослушав откровения блудницы, в смятении не знал, что сказать, и оставался нем. Но его взгляд, рассказал Мул больше, чем любые слова, и она не стала теревить его ненужными расспросами.

– А он странный. – Сменяя разговор, чтоб выйти из неловкости молчания, подметила она, вспомнив нрав молодого эштарота.

– Кто? – Пересохшими губами, едва смог прошевелить бывший кингаль.

– Аш.

– Тебя влечет к нему?

– Он кажется мне чудным. Впрочем, каким еще может быть храмовый служка, эштарот, к тому же иноземец. Такой же, презираемый, как и я – уличная девка, пусть и бывшая. Последний нищий, смотрит на нас с презрением.

– Мы – не презираем, мы знаем какая ты, и все в Лагаше уважают тебя. Юному северянину мы обязаны жизнью царевича, а тебя все полюбили, и я... рад, что узнал тебя. Прошное, это прошное: в том нет греха, где нет вины.

Мул кивком поблагодарила его в ответ, и продолжила делиться размышлением:

– Нин любит его, а он словно не замечает. А она ведь красива. Бедная девочка, скрывать свои чувства, боясь быть осмеянной.

– Извини, я не должен был. – Покраснев, замялся Кикуд. – Просто мне показалось, что он тебе приглянулся.

– Он же еще слишком молод для меня, да и Нин обидится, если я начну с ним любезничать. – Повеселела Мул.

– Да, я не подумал. – Горя от стыда, Кикуд чувствовал себя рядом с ней, каким-то уж слишком большим и неуклюжим.

– Ты понимаешь знаки мудрости? – Спросила она, после некоторого молчания, глядя на звездное небо.

– Воины должны разбирать письма, дабы не было трудностей при их получении. А сыны Нингирсу обучаются этому, чтобы и доносить до людей его помыслы.

– Маленькая Нин тоже умеет читать. Ее отец, был каким-то важным воеводой. Как бы и я хотела этому научиться. Говорят в письменах много мудрости, ответов на тайны мироздания.

– Не везде, а только в хранилищах храмов или в пределе писцов можно почерпнуть тех знаний. Да и в них ты не найдешь ответы на все вопросы; их появится еще больше.

– Все равно, я бы хотела там побывать.

Ехали на удивление быстро, особенно в сравнении с тем, как они добирались. Впрочем, этому находилось объяснение: теперь они ехали в сопровождении многих воинов, а не тряслись в одиночестве, в стареньком, потрепанном возке, неизвестной дорогой. Теперь им нечего было опасаться случайных встреч; да и брюхо не сводило от голода, когда рядом были торговцы,

готовые за веселую песню, расплатиться сытным обедом. А старый возок, лагашские умельцы починили так, что он катился словно с горы, и их глупые ослы обнаружили, что воз который они тянули, стал вдруг отчего-то легче, и, чувствуя себя сильнее, бежали, радостно повилывая изгаженными кисточками. На привалах, скоморохи давали представления, скрашивая путешественникам дорогу и зарабатывая свое у них пропитание. А показывать было что. Недаром ведь Пузур и его друзья исколесили земли Калама: было время набраться разнообразия жизненной мудрости из народа, и глупости тоже.

Только к огорчению юной бродяжки, не было больше с ними ее дерзкой подруги, с которой и она чувствовала себя такой же сильной и смелой. Это было еще одно тяжелое расставание, и самым трудным за последнее время, вдвойне тяжелей своей неожиданностью. Мул еще вечером не сообщала им о своем решении, и все были уверены, что она поедет с ними, наутро же, когда никто этого и не ожидал, огорошила всех новостью. Это случилось, когда все собрались отправляться и Нин, готовясь к отъезду, суетливо нагружая в возок нехитрый скарб, начала уже по-дружески отчитывать копошуню.

– Ну, где ты ходишь?! Все давно уже собрались! – Торопила она свою подругу.

Но та, не торопилась бежать, чтобы собрать вещи, и не отругивалась шутливо, как бывало обычно, но нежно взяв Нин за руку, глядя на нее и на скоморошью общинку, уже устроившуюся в возок, чтоб ехать, виновато улыбаясь, сказала:

– Нин прости, я не еду с вами.

– Что ты говоришь? Мы же собирались ехать вместе. – Попыталась вразумить подругу Нин – Вот и место, я для нас приготовила.

– Прости. Но зачем мне чужбина, где я никого не знаю, и меня никто не ждет? Я не привыкла к дорогам, и у меня нет таких дивных умений как у вас. Что я буду делать? Я буду вам только обузой.

– Почему обузой? Ты научишься петь и танцевать или изображать кого-нибудь. Вот увидишь, это совсем не трудно.

– Поверь мне Нин, не все, что кажется тебе легким, дается другим так же легко. Ваше призвание, нести людям свет радости и надежды, ну а мое, наверно, немножко другое.

– Ты сказала, что там для тебя чужбина, но и здесь для тебя чужая земля. Зачем ты, опять обманываешь меня? – Чуть не плача молила бродяжка. – Какое призвание? Ты же больше, не выходишь на улицы.

– Нет. И больше никогда не вернусь к прежней жизни. – Поклялась бывшая блудница. И какая-то злая уверенность в ее выражении, показала твердость ее клятвы. – Я и вправду собиралась ехать с вами, я не обманывала тебя. И здесь для меня тоже чужая земля, но увидев, какую тут люди строят жизнь, узнав помыслы Уруинимгины, я поняла, что именно здесь, на чужбине – мое призвание, и быть может отсюда, правда прорвется и на мою родину, и разольется по землям царство справедливости.

Нин, попытавшись еще переменить решение подруги, поняв бессмысленность уговоров, не стала больше давить, лишь в глазах полных отчаяния, читались упреки осуждения и мольба: «Поедем». Мул говорила, что будет помнить свою маленькую подружку и ее общинку, с которой столько пережилось, с кем спасались от лиходеев и узнали Лагаш. И обещала самолично надавить ей восточку, а Нин, недоумевала, как она это сделает.

– Я обязательно выучусь читать и писать. Кикуд обещал мне в этом помочь. – Словно угадывая ее мысли, сказала Мул; и словно предугадывая. – Для этого нужно иметь доступ к хранилищам знаний, а бродячая жизнь этого не даст. Я чувствую, я смогу быть нужной этим людям. Здесь мне место.

Нин ничего не сказала, на прощание лишь прижавшись к теплой груди. И снова были объятия и слезы расставаний, и снова в сердце щемило от тоски. Но все проходит, прошло и это, оставив в душах теплые деньки.

Глава 2. Суд Сатараны

1. Нибиру. Заклинание проклятых

– Ну, что там? – Вопросила громадная женщина долговязого человека вооруженного длинной жердью, взгромоздившегося на обсыпавшуюся крышу глинистого дома.

– Да не видать ничего. – С ленцой отвечал ей человек, прикрывая глаза ладонью от яркости солнца, вглядываясь вдаль.

– Ты давай, внимательней. От тебя сейчас зависит, жить нам или умереть. Гляди!

– Ничего пока не видно. Я же говорил, что никто сюда не сунется. – Ворчал он, разминая сухопарые конечности. И выпирающие костлявые колени скрипели как колеса старой колымаги.

– Смотри-смотри, если хочешь, видеть еще своих деток живыми и свободными.

В отличие от едва достававших ей до плеча молодцев, стоявших запрокинув головы, ей не требовалось сильно задирать голову.

– Да я смотрю. Но я не могу же тут все время стоять, у меня уже ноги задеревенели! – Жаловался долговязый. – Ну правда, пусть теперь Гной смотрит.

– Ничего-ничего. Сейчас потерпишь, потом это воздастся тебе сторицей. – Подбодрила она, и отошла распорядиться на другом конце.

– И кто захочет соваться в такую убогость? Чем здесь можно поживиться? – Продолжая ворчать, нехотя смотрел по сторонам новоиспеченный сторожевой; когда вдруг его лицо вытянулось от страха. – Виждуу, вижу! Они идут!

Человеческие потоки, растекались по узким улочкам тоненькими ручейками, все ближе приближаясь к самопроизвольному ополчению Нибиру.

Великанша вернувшись на крики, грозно цыкнула, чтоб он не поднимал раньше времени труса, и приказала находящимся рядом пращникам, спрятавшись по крышам быть наготове, остальным собираться встретить врага во всеоружии дреколья и дубья. У кого-то встречались копыя и топоры с каменными наконечниками, и это было самое грозное оружие, не считая меднокованных секир и наконечников копий, кого-то из оставшихся воинов.

– Ну, что? Готовы мужички? – Спросила она, оглядев напуганных вояк.

Но старосты, недовольные, что их собрала и пытается ими управлять, какая-то содержательница питейной, начали ворчливо выказывать беспокойство, за оставленных жен, детей, стариков и старейшин.

– Не беспокойтесь за родных. Они будут в безопасности. – Обнадежил их рябой воин, оставленный десятником Ку-Бабе в помощь.

– Но только от нас зависит, быть им живыми и свободными или нет! – Взбадривала захолоновших мужиков женщина, прокричав, как только можно прокричать шепотом. – Чем дольше мы продержимся, тем больше возможностей уберечь их от рабства! Да может и самим спастись.

– Да пусть только сунутся! Они же трусливые как шакалы! – Храбрились самые отчаянные, молодые и глупые.

– Надо уходить пока не поздно! Это наемники пустынь, а они шутить не будут. – Дрожащими голосами блеяли самые трусливые, уже готовые сдать.

– Да поздно уже, некуда бежать. – Мрачно оборвали им всякую надежду, умудренные жизнью. – Придется биться, или идти в рабство.

– Это наемники – подтвердил Рябой опасения трусливых, – но и они не любят возиться. Нам главное выстоять, надолго их не хватит.

Руководимые неумелыми действиями старост, вопреки советам корчмарки, не отдавшим бразды правления опытным воинам, они напали. Напали внезапно, как могли. Как могли, а потому неумело и не столь неожиданно. Наступавшие, опешившие было и даже потерявшие кого-то из воинов, успели вовремя отбиться от жалкого оружия бедноты и укрыться от беглого града камней; и собравшись, сами перешли в наступление, на превосходящее числом но не умением ополчение. Те же в свою очередь, несмело напад и не сумев воспользоваться неожиданностью, стояли столпившись. И противник пользуясь узостью улочек, не встречая достойного сопротивления, безжалостно месил эту человеческую кучу, не способную даже организовать, чтоб не навредить себе, но зато посмевающую поднять оружие. Из-за тесноты, задние ряды обороняющихся, не зная, что творится там у передних, мешали соратникам развернуться, невольно становясь виновниками их гибели. И слабо вооруженные против боевого оружия, вынужденные получать смертельные раны от копий, секир и мечей, защитники дрогнули. Пытаясь спасти свои жизни, они толкались, страхом заражая следующих за ними, проклиная тот роковой, мимолетный миг, когда решились встать впереди войска.

Бессильные попытки Ку-Бабы и рябого воина, успокоить и собрать ополчение в боевой порядок и организовать оборону, не привели к успеху. Новоиспеченные вояки, побросав свое незамысловатое оружие, убежали подальше вглубь пределов, оставив своих начальников с горсткой храбрецов, в отличие от большинства настроенных решительно отстаивать собственное достоинство и свободу и жизни своих близких. Невольно отступив вместе со всеми и взбежав на возвышенность, они встали наизготовку, готовясь встретить врага.

– Ничего-ничего. – Успокаивала оставшихся с ними бойцов, грозная великанша. – Пусть бегут. Мы и без них справимся. Не так ли, Рябинушка?!

Рябой усмехнулся новому произношению своего прозвища, и, скаля зубы, произнес:

– Верно. Сбежали трусы, а от них в бою толку мало, одна обуза. Зато глянь, какие урса здесь собрались! Таких испугом не возьмешь. А это уже залог успеха. Справимся. Нам бы чуток продержаться, а там и са-каль с ребятами подтянутся.

Отпор был ужасен. Ожидавшие легкой наживы, и потому обозленные неожиданным сопротивлением каких-то полурабов, пустынные были особенно свирепы в этот раз. Отложив за бесполезностью в тесных улочках луки, они были уверены, что легко справятся с небольшой кучкой безумцев, решившихся противостоять опытным ловцам удачи. За что, вскоре и заплатились. Храбрецы, хоть и неопытные в боях, были сильны решимостью отстоять свою свободу. Вместо перепуганных насекомых, на выросшем откуда-то крепостном валу, перед ними вдруг предстал отряд боевой стражи.

Перед встречей гостей, осаждаемые по совету Рябого, позаботились разобрать дома, подвергаясь сыпавшимися на них проклятьями неразумных хозяев, и навалить груды посреди узких проходов. И теперь, на один из таких валов и домов вокруг, успели взобраться.

На миг опешив, воины пустынь бросились на приступ с остервенением обманутых надежд на легкую наживу. Их злило само то, что какое-то голопузье смеет противостоять им. Ведь сам лугаль воров, которого опасались даже нибирские стражи, приполз к ним на коленях моля о пощаде, и с челобитьем просился со своим сбродом в младшие дружины. С его благословления и помощью, они и решили поживиться за счет простых общинников и ремесленников, и бесправных государевых закупов. Но не тут-то было. Хоть большинство защитников сбежало после первой же стычки, самые храбрые иги-ну-ду, встретили их так, что стоили целой дружины. Попытавшиеся было, взять приступом выросшую вдруг стену, полетели с проломленными черепами, не успев на нее даже взобраться. Больше никто, бессмысленно подвергать себя опасности не решался. Да и Магару, не хотел понапрасну терять воинов. Вождь, конечно, будет сильно недоволен этой волокитой, но рассвирепеет, узнав о потерях людей своего племени, из-за непродуманных действий.

Подозвав лугалья воров, он велел тому продолжать осаждать своих прежних подопечных, раз не может уговорить их сдаться на милость. А сам, крикнув пустынным, что-то на своем языке, свернул за угол. По-своему поняв, в силу воровской привычки, смысл приказа, резаный лугаль хитростью и угрозами пытался склонить осаждаемых к сдаче, начав вести с ними беседы. Меж тем Магару со своими людьми, решил обойти неразумных пустобрюхов, чтоб ударить со спины. Поплутав по пустынным улицам, они, наконец, вышли к тому месту, за которым по их прикидкам, должны были прятаться женщины и дети. С недовольством прикрикнув на замешковшихся подчиненных, Магару приказал им взбираться по склону. В следующее мгновение, случилось то, о чем воины пустынь, вспоминали потом с содроганием. Едва передовой отряд вступил на возвышенность, как из ниоткуда, выросло нечто громадное – схожее с человеком, и, размахивая неимоверно огромным дубьем, снесло сразу всех.

– Что это??? – Только и смогло вырваться из уст предводителя пустынников, озвучивая их мысли. И волосы зашевелились на его голове.

Заметив, что основная часть осаждающих, ушла за поворот, Ку-Баба победно выдохнула, но разумный Рябой укоризненно покачал головой:

– Эх, Ку-Баба, на твоём месте я бы не стал ликовать раньше времени. Мы не знаем, куда они двинулись.

– Что же, ты бы сделал? – Зашевелив челюстями, недовольно пробурчала великанша, расстроенная словами своего плюгавого советника.

– Я бы проследил за тем, куда они направились. Похоже на то, что наши местные охотники за удачей, не торопятся подставлять свои головы под дубины нищевродов. – Ответил Рябой, видя, что как только пустынники отошли, резаный разбойник завел лукавые речи, не решаясь на приступ.

– Так проследи. Что зря разговоры разговариваешь? – Упрекнула его великанша.

– Хорошо. Дай мне дружину.

– Набери охотников. – Ответила Ку-Баба, и обратилась к защитникам. – Эй! Кто-нибудь желает, поджарить хвосты воронам?!

Таковых набралось более чем нужно, и великанша, отобрав два десятка самых выносливых, большую часть оставила оборонять рубежи.

С удовлетворением оглядев молодцев, закинув копье на плечо Рябой выдохнул:

– Поспешим ребята!

– Погоди. И я с вами. – Берясь за комель дубины хорошего дерева, говорила корчмарка.

– А кто же, здесь останется?

– Ну, думаю, Эпир прекрасно уболтает того резанного петуха. Правда ведь, Эпир?!

– Не беспокойся хозяйка, все будет как в этой кружке! – Икнув, пообещал вечно пьяный балагур, допивая бражку.

Оставив старшиной надежного ополченца, корчмарка с рябым воином, в сопровождении молодцев хорошо знавших родные пределы, незаметно крались, следя за движением черного войска. Наперед зная, куда ведет та или иная улочка, они не шли напропалую за опытными следопытами пустынь, но завидя издали их длинные одежды, предугадывали, где те окажутся через время. Рассчитывая каждый их шаг, общинники оценили хитрость вражеского кингалья в попытке обойти их оборону, и выйдя к удобным для обороны препятствиям, уже были готовы к встрече.

Выжидая пока поднимутся первоходцы, защитники были тихи как мыши, чтоб не обнаруживать своего присутствия. И вот, когда те уже подбирались к вершине, Ку-Баба вставая в полный рост и встряхнув своим первородным оружием, убивая несчастного подвернувшегося ей, дала знать остальным, и те также вскакивая нападали на других, в мгновение

ока уложив весь отряд. Все произошло так быстро, что внизу соратникам павших, показалось, что это сам злой дух поглотил их товарищей.

Магару сам пораженный увиденным, в первые мгновения остолбенело глядел на кучу трупов, не в силах сдвинуться, как и его отважные воины застыв на полпути. Придя в себя, он понял, что то, что их так напугало, хоть и уродливая в своих размерах, но всего лишь какая-то женщина; к которым, он как все пустынные, то ли в силу своих старинных обычаев, то ли по примеру предводителя, относился с презрением. Стыдясь мимолетного ужаса, и еще больше злясь из-за этого, подручный Аш-Шу орал на своих трусливых подчиненных, подстегивая их плетью. Но даже это, не заставило их двинуться дальше. Разве, что убей он кого-нибудь на месте, можно было чего-то от них добиться. Однако это могло не понравиться предводителю, чтившего лишь свое право беспредельным. Несмотря на внушительные размеры женщины, поразить ее издали в толчее и тесноте улиц, а тем более подстрелить кого-нибудь из ее соратников обычного роста, было немыслимо. И потому, сочтя, свой долг исполненным, Магару не стал препятствовать отступлению и требовать немедленного взятия вала. Отозвав головорезов подальше от метких попаданий пращников, он решил тщательно подготовиться, учтя все недочеты и просчитывая бреши в обороне голопузых. Оглядев свое войско, собранное из сброда новобранцев, Магару с ухмылкой подумал, что жалеть такое сборище бродяг и нищих, желающих обогатиться за счет грабежа, ему как подручному божественного вождя, не отличавшегося бережливостью к необученному отребью, не пристало. Только несколько верных и проверенных соратников, были с ним для охраны, в случае непредвиденных обстоятельств, остальное сплошь сброд со всего обитаемого мира. Набравшись духа, хитрый подручник лиса пустынь, обратился к ним с воодушевленной речью, беря пример со своего господина:

– Ну что?! Кто тут кричал, что ему нужны рабы и наложницы?! Вот они! Там – за валом! От нас и требуется только – взять их!! Или вы просто хвастливые шакалы, чьим словам нельзя верить?! А может у вас, сучьи хвосты вместо языка?!!

– Нееет!! – Обиженно пронеслось по рядам.

– Какие-то многомудрые дураки говорят, что все люди равны, ибо все мы – создания божьи! При этом, сами они живут в высокиих теремах и продолжают набивать брюхо с золотых посудин, пока пустобрюхие побираются! Пусть же языки их, приберет тот гулла, что вложил эту дурь в их пустые головы!! Разве жалкие черви – копошащиеся в земле, могут равняться истинным последователям творца вселенной – не пачкающим свои руки трудом, которым и после смерти уготована участь быть господами над недостойными?! Рабы вы или господа?!!

– Господаа!!! – Радостно завопили бродяги с испытными лицами.

– Нам ли бояться смерти, подобно рабам?!!!

– Нееет!!!

– Мы знаем, нам и после смерти уготовано воздаяние, если мы с честью выполним свой долг перед всевышней волей!!!

– Дааа!!!

– Наш божественный повелитель говорит: «У каждого верного последователя пути божественной воли, должно быть не меньше трех жен и десяти наложниц, да в придачу все блага мира какие только есть»! А где найти это все, как не в рабах?!!!...

– Да!!! – Одобрительно кричали новоиспеченные господа.

– Так возьмем их, и покажем им их место!!! А кто противится, да сгинет в муках!!! –

Подытожил он свое красноречие.

Воодушевленные посуленной добычей, крича и ликуя, разбойники бросились на склоны, отбиваясь и уклоняясь от неприятного каменного ливня, и без труда взобравшись, вступили в битву.

Недолго думая, Магару решил взять числом. Но он не ожидал, что казавшееся небольшим, войско защитников вдруг раздуется в размерах. И его сотни не казались уже внушительной силой, а защитников, за счет некоторых вернувшихся беглецов, пристыженных женами и воспрянувших первым отпором, и впрямь стало больше. Были среди них даже женщины, решившие вопреки указаниям воителей, встать в строй вместо трусливых мужчин, защищая дом и блюдя свою честь.

– Держитесь, держитесь мужички! – Кричала корчмарка, будто забыв, что теперь с ней и женщины.

А черные люди все лезли и лезли, позабыв про страх, словно муравьи на свой муравейник. И мужики со своей предводительницей, все скидывали и скидывали их, и женщины подносили им оружие и камни, уводили раненых перевязывая им раны, а некоторые и сами вставали на место павших мужчин, чтобы погибнуть вслед за ними, побившись, преграждая путь лихим людям.

Отбив очередной приступ, защитники отошли в укрытие, оставив наверху дозорных, следящих за приготовлениями потрепанных осаждающих. Сами же спрятались, чтоб отдохнуть и перевязать раны. Уставшая, раскрасневшаяся великанша, вытирая пот и оглядывая своих соратников, заметила среди новоприбывших тучноватого вояку. Кивнув взволнованному от нечаянной встречи Мушу, Ку-Баба устало улыбнувшись, поспешила его успокоить:

– Ааа, и ты тут. Не совсем знать пропащий. Если еще в бою покажешь свою храбрость.

– Да, верно. – Согласился с ней рябой. – Не совсем оскотинила тебя служба в городских, раз за людей биться решил.

В этот раз, в застенчивом парне, скромно принявшего все похвалы, трудно было узнать прежнего нахала.

Не успели защитники отдышаться, как от дозорных поступило сообщение о приготовлениях в стане врага.

И этот приступ оказался сильнее прежних вместе взятых, так как по словам дозорных, к осаждающим поступила помощь, во много превосходящая прежнюю, и по количеству и главное, что особенно страшно, по опыту.

– Ну, ребятки, держитесь! – Подбодрила оторопевших защитников корчмарка, берясь за огромный тесак для разделки туши. – То, все опарыши были, а вот сейчас мухи полетят!

Меж тем у основной стены, вор все еще пытался угрозами и уговорами принудить к сдаче некогда дрожавших перед ним простолюдинов. На все угрозы, ему отвечал не просыхающий, вечно хмельной, но никогда не пьянеющий вусмерть Эпир, острой шуткой приводящий все угрозы резанного к смехотворности, отчего прежний ужас перед воровским царьком, у людей все больше улетучивался.

Поняв, что бессмысленно пытаться запугать вооруженную толпу, к тому же настроенную решительно, резаный снова начал уговаривать, пугая теперь не столько своей силой, – которая уже сама начала редеть, боясь мести вооруженных босяков за прежние обиды, – но силой пустынников, которых, сам лугаль воров боялся ужасно.

– Эпир, что у тебя общего с этими рабами?! Ты же ходил в приятелях моего отца, когда он был жив, да не оскудеет в Кур его чаша! Я надеюсь, ты не забыл моего отца?!

– Да как, забудешь такого! Тот еще был пропойца!

– Если бы он был жив, он бы не одобрил такого предательства воровского дела, ради каких-то трудяг! – Сказал резаный лугаль воров, сделав вид, что не расслышал обидных слов.

– Еще бы он одобрил! Он-то, ведь никогда в своей жизни не трудился, побирушничеством всю жизнь промышлял. Помнится, раз с ним подвязались свиной пасти, за корчагу хорошей бражки, разумеется. Ему их в поле выводить, а ни его, ни свиной. Я то, своих вычистил

и вывел, а его не видно. Бросились искать, туда-сюда, нигде нет. Что случилось: где свиньи, где свинопас?! Наконец, нашли в соседней деревне. Свиней то, какой-то бродяга успел им всучить как своих, да в придачу с пьяным свинопасом, под видом хорошей свиноматки. Не знаю, уж, чем они смотрели, когда человека как свинью брали! Наверно тоже, зенки залиты были. Оказалось он, когда свиней пас, напился и завалился в свинарнике сном младенца. А ворам то, только того и надо: прихватили все добро, да в придачу и пастуха забрали, чтоб добро зря не пропадало. И жители той деревни, не знали, что с ним делать: зерно то за свиноматку уплачено. И случилась такая штука, скажу я вам, что они не знали как быть, то ли заставить его свинарники чистить, то ли самого как свиноматку под хряка подкладывать!

– Врешь собака, не было такого!!! – Вышел из себя резанный, не привыкший сносить оскорбления. – Никогда он не побирался; он сам кого хочешь, мог по миру пустить!

– Знаем-знаем! Слышали, как он пустил по миру несчастных любителей свинины! Эпир же нам, только что об этом рассказал! – Подлил масло в огонь смешливый дружинник.

– Ах ты...!!! Смерть твоя, будет долгой!!! – Рассвирепел лугаль воров.

– Ух, напугал. – Пробурчал, ухмыляясь смешливый. – Эпир, гляди как резанный надрывается, успокой его душу, а то сейчас наш благодетель, чего доброго лопнет от обиды! Скажи, на нем хоть набедренник был?!!

– А где ты видел, свинью в набедреннике?!!

Эти слова вызвали еще больший хохот, в стане защитников, да и в стороне осаждающих, многие улыбнулись украдкой.

– Эпир, если только и ты не хочешь умирать в мучениях, лучше возьми свои лживые слова обратно! Скажи, что это ты сам придумал!! Не было такого!!!

– Может и придумал, может и не было... – Невозмутимо отвечал старый выпивоха, и воровской вожак уже начал успокаиваться, как вдруг Эпир продолжил. – А может и было! Кто ж, теперь проверит?! Может у свиней спросить?!!

Снова дружный хохот.

Этого, царь городских воров и попрошаек, стерпеть уже не мог; не имел права стерпеть, чтоб не потерять лицо.

– Что вы стоите?! Так и будете терпеть, пока вашего лугалья поносят?! Вперед!!! – Закричал резанный, и двинулся на приступ.

Его подчиненные с неохотой последовали за ним. Защитники только и ждали какого-то опрометчивого шага со стороны бывших своих обидчиков, и слова Эпира этому поспособствовали. Не подготовившись к приступу как следует, будучи в меньшинстве, а теперь еще и действуя в порыве отчаяния главаря, вору получили хорошую взбучку от обычно тихих и забытых работяг бедняцкого предела, безропотно сносивших все их обиды и унижения. И теперь, пришла пора расплаты за все. Скинув воров, бедняки уже готовы были преследовать своих обидчиков, но были остановлены старшим, поставленным Ку-Бабой, который во всем следовал советам дружинника, понимавшего, что толпа хоть и многочисленная, но необученная, не будет иметь столько преимуществ на открытой местности, в противостоянии с закоренелыми ворами и убийцами.

– Ну, что трусы побежали?! – Орал на своих людей резанный, толкая их в сторону завала. – А ну, пошли!! На приступ!!!

Но теперь, словно переменялось что-то, и его подчиненные уворачиваясь от его толчков, не спешили выполнять его приказов.

– Вы что, забыли кто я!!!? А ну, пошли!!!

– Сам иди. – Послышался сначала робкий отказ, кого-то из простых воров.

– Чтоо???!?

– А что, не слышал?! – За своего соратника ответил другой.

– Да я сейчас!!

– Что – ты сейчас?! – Сказал еще кто-то.

– Амар!! – Попытался он найти поддержку у жилистого подручного.

Но преданный подручный, вероломно ответил в том же духе, что остальные. На что – пораженный предательством мальчика, которому покровительствовал, он не закричал и даже не заорал, а завопил как болотный дух:

– Ах ты, телок недоношенный!!! Клянусь матерью, я лично сдеру с тебя шкуру!!!

Он замахнулся, чтобы наказать неблагодарного, но был перехвачен его людьми.

– Свиноматка твоя мамаша! – Услышал он в ответ.

– И батяша. – Добавил кто-то, вызвав смешки.

От такого оборота, закоренелый убийца, был подавлен настолько, что не смог поднять рук, чтобы схватиться за оружие и отплатить вышедшим из повиновения негодьям.

– Свиной паси! – Сказал кто-то на прощание, оставляя его одного со своей обидой.

Упав на колени, скрежеща зубами, резаный начал рвать руками втопанную твердь земли, до крови ломая на пальцах ногти, и мысленно проклиная тот день, когда решил перейти на сторону южан. Дикий взвой прорезал тишину пустынных улиц, распугивая только слетевшихся на свежие трупы падальщиков, и он совпал со звуками рога, где-то там у ворот. Бывшие его сподвижники, спешили к дележу.

2. Нибиру. Падение

Потирая рукоять кривого клинка, Аш-Шу ждал. Ждал когда выйдут переговорщики о сдаче города, и вынесут столько серебра и золота, что смогут насытить жор осаждающих. Послав новобранцев на приступ нижнего предела, он со своей верной дружиной, не стал мараться грабежом и убийством голопузых жителей, рассчитывая получить выкуп не вынимая меча из ножен. Сам уммийский воевода, обещал им выделить десятую часть того, чем откупятся богатые и зажиточные жители Нибиру, а тем кто помельче, горожане разрешили пожить за счет скудного скарба жителей нижних пределов вне стен, и захватить из их числа пленников, годных для невольничьих рынков. Наконец, створы ворот отворились и оттуда важно восседая, выехало посольство переговорщиков. Пустынник со своей дружиной, стоявшей как и унукские полки в отдалении, с удовлетворением отметил, что переговорщики выезжают в больших груженных повозках. Пока посольство покидало стены, стражи внимательно следили, чтобы поблизости случайно не оказался, кто-нибудь из осаждающих, и когда город покинула последняя повозка, створы за ними поспешно с грохотом захлопнулись.

Привыкшему чувствовать себя в пустыне в безопасности, здесь, в окружении унукских полков, Аш-Шу было неуютно и охватывало давно забытое и неприятное чувство. А ведь где-то недалеко, находился и сам сын колдуна, со всем своим войском. Несмотря на наемнические договоренности, пустынник не доверял уммийскому воеводе, опасаясь с его стороны подвоха, и потому был окружен своей верной дружиной. Их конечно, меньше, и вооружение попроще, чем у воинов городов, лучшие из которых, к тому же защищены доспешными перевязями или плащами, но такой веры и преданности – с какой ему служат его люди, позавидовал бы самый великий лугаль. И хитрый лис пустынь, отослав ненадежных новичков, чтобы заодно проверить их в деле, надеялся, что унукцы не посмеют напасть, опасаясь потерять больше, чем выиграть.

– И это все? – Растягиваясь в улыбке, обычно не предвещавшей ничего хорошего, недоверчиво покосился Аш-Шу на уммийца, когда ему под ноги бросили тощие мешки.

Уммиец не знал повадок пустынника, и потому ответил нисколько не смущаясь, что это их часть, из того, что смогли собрать горожане, итак обобранные проклятым Севером. Но зато знал Аш-Шу, как хитры бывают каламцы с такими варварами как он и его люди, и от его приметного глаза не ускользнуло сколько было нагружено на телеги, и отнюдь не зерном, как то хотели представить его наниматели.

– А если проверить? – Еще хитрее прищурился бог пустынников. И его люди готовы уже были сами кинуться проверять, так ли это. Но и уммийцы – бравшие не один город, были готовы к такому обороту; острия копий и клинков охраны царственного груза, нацелились и уперлись в незащищенные груди «подпасков».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.